ВАЛЯ СМИРНОВА

ВЕРЕ МОЖНО ВСЁ

ЛИПОВАЯ ПРИСТАНЬ · КНИГА 3

Валя Смирнова

Вере можно всё

«Автор»
2026

Смирнова В.

Вере можно всё / В. Смирнова — «Автор», 2026

Вера Синицына привыкла держать всё под контролем: работу, дом, отношения с бывшим мужем и даже жизнь взрослой дочери. В её расписании есть место для любых обязательств, кроме собственного счастья.Но однажды подруги уговаривают её отправиться к морю. Там, среди осенних улочек и случайных встреч, Вера знакомится с Павлом — владельцем небольшого книжного магазина, у которого тоже есть прошлое, привычки и нерешённые проблемы.Курортное знакомство неожиданно становится чем-то большим. Только Веру и Павла разделяют два города, работа, взрослые дети и жизнь, которую каждый из них строил годами.Можно ли полюбить снова, не отказываясь от себя? И обязательно ли ради счастья начинать всё с чистого листа?«Вере можно всё» — тёплый, жизненный роман о зрелой любви, дружбе, непростых решениях и праве женщины быть счастливой в любом возрасте. Третья книга уютной серии «Липовая Пристань».

© Смирнова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Графа «отпуск» 6
Глава 2. Ключи от чужой недели 11
Глава 3. Книга с запиской 15
Глава 4. Без экскурсовода 20
Глава 5. Сезон заканчивается 24
Глава 6. Условие на один день 28
Глава 7. Ни слова о вечности 33
Глава 8. Почти семейный ужин 39
Глава 9. Снимок без фильтра 45
Глава 10. Короткий дождь 49
Глава 11. Почти обещание 53
Глава 12. Дорога к реке 57
Глава 13. Три непрочитанных сообщения 61
Глава 14. Обычная среда 64
Глава 15. Адрес в Рязани 68
Глава 16. Неотложное от Игоря 71
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Валя Смирнова
Вере можно всё

ВЕРЕ МОЖНО ВСЁ
Валя Смирнова
Липовая Пристань • Книга 3
Роман

Глава 1. Графа «отпуск»

— Меня не интересует, насколько это удобно, — сказала Вера. — Меня интересует, за чей счёт.

На экране ноутбука шесть человек замолчали. Кто-то из коллег не выключил микрофон, и в тишине отчётливо заскрипел стул.

Вера Синицына не любила начинать понедельник с неловкости, но ещё меньше любила договоры, в которых сначала всё выглядит разумно, а потом выясняется, что доставить оборудование надо до пятнадцатого, принять его заказчик собирается после двадцатого, а штрафы начнут начисляться с десятого.

— Вера Андреевна, мы же обсуждали, — сказал руководитель отдела поставок. — Заказчик просит гибкости.

— Так пусть выберет, где она нужна. По сроку отгрузки, по дате приёмки или по размеру неустойки. Все три пункта одновременно для нас не работают.

— Можно оставить формулировку и потом договориться, — сказал руководитель отдела поставок.

Вера посмотрела на часы в углу экрана. Восемь сорок семь. До следующей встречи оставалось тринадцать минут; за это время никто не успел бы договориться о том, что не желал даже назвать вслух.

— Когда стороны хотят договориться, они пишут, о чём именно. Я предлагаю два варианта поправки. Сегодня отправлю оба.

В маленьком окошке напротив её фамилии появилась Ольга Гурова, младший юрисконсульт. Ольга показала в камеру большой палец, забыв на секунду, что у неё включено видео. Вера опустила глаза к документу, пряча улыбку.

Совещание закончилось без торжественного примирения. Руководитель поставок обещал поговорить с заказчиком. Вера закрыла ноутбук, поднялась и подошла к окну.

С её седьмого этажа было видно, как внизу, между домами Верхних дворов, женщина в ярко-красной куртке тащила за собой ребёнка с самокатом. Ребёнок сопротивлялся, но самокат не отпускал. Машины объезжали глубокую лужу у края проезда. Липы пожелтели неравномерно: одна стояла уже почти голая, другая ещё держала золотую крону; под ней крыши машин были усыпаны свежими листьями.

Вера думала, что год развивается с ошибкой. Только что было лето, а теперь четвёртое октября, счета за отопление, сырость в подъезде и тридцать семь рабочих писем, из которых пять помечены как срочные одним и тем же человеком.

Она вернулась к столу и открыла календарь.

С девятого по шестнадцатое октября в нём был белый прямоугольник.

Слово «отпуск» она написала туда ещё в июле, после разговора с подругами. И вот уже три месяца прямоугольник держался на своём месте, не подтверждённый ни билетами, ни её согласием.

Телефон дрогнул.

«Мы внесли остаток за гостевой дом. Если ты в очередной раз откажешься, будешь должна нам не деньги, а объяснение, которое выдержит проверку на здравый смысл. Ирина».

Следом пришло сообщение от Светланы: «Ира преувеличивает. Деньги мы не вносили. Пока. Но билеты дорожают».

Вера ответила обеим: «Работаю».

В ответ прилетела фотография раскрытого чемодана, из которого торчала огромная соломенная шляпа. Под ней Ирина написала: «Я тоже».

Вера убрала телефон экраном вниз.

К одиннадцати она успела отправить две редакции договорных пунктов, проверить счёт и объяснить сотруднику службы снабжения, что фраза «по согласованию сторон» сама по себе не обязывает вторую сторону согласиться. В половине двенадцатого позвонила Ольга.

— Не отвлекаю? Только про четверг спрошу.

— Спрашивай.

— У меня дочь с температурой. В четверг, возможно, придётся остаться дома. Я могу закончить таблицу вечером, но на встречу с подрядчиком не попаду.

— Давай сегодня посмотрим, что в ней осталось. Если там только сопоставление пунктов, я успею проверить до среды.

— Вы и так всё проверяете.

— У меня должность такая.

— Вы и без моей таблицы по уши в работе. Я её закончу вечером, когда у дочки упадёт температура. Если не упадёт — пришлю утром. Только не забирайте её себе, пожалуйста.

Вера хотела возразить, но Ольга уже продолжила:

— И вы ведь с субботы в отпуске?

— Ещё ничего не решено.

— Кадры уже прислали приказ. Если вы его не подпишете, мне опять объяснять им, почему у нас руководители иногда работают вместо отдела.

Вера потянулась к календарю.

— Последняя версия лежит в общей папке.

— Вот и прекрасно. Значит, могу рассчитывать на неё, а не на вас.

Ольга отключилась. Вера ещё несколько секунд смотрела на телефон. Ольга тем временем успела пометить в общей папке обе версии приложения. Возле одного пункта оставила вопрос: «Поставки согласуют сами или снова позвать вас?» Вера напечатала: «Сами. Если не согласуют, вернёмся к пункту завтра». Но мысль о неделе без рабочих сообщений почему-то тревожила сильнее, чем список возможных ошибок.

После обеда, когда Вера уже вернулась домой, позвонила дочь.

Ася звонила и сразу переходила к делу. Вера иногда успевала только поздороваться.

— Они предложили мне второе собеседование, — сообщила она. — В следующий четверг, четырнадцатого октября.

— Кто они?

— Я же говорила. Компания в Туле, где проектировщик знакомого работает.

— Ты говорила, что отправила резюме. Это разные стадии.

— Мам, это называется движение вперёд.

— А твоя нынешняя работа?

— Пока моя нынешняя. Ты сейчас спросишь, сколько я получу и где собираюсь жить.

— Потому что это важные вопросы.

— Для меня тоже. Я не собираюсь увольняться до предложения. И не беру кредит на квартиру, не успев на собеседование. Можно я сначала схожу, а потом мы обсудим?

Асе было двадцать три. Три года назад Вера помогала ей выбирать первый съёмный угол в Калуге, считала стоимость дороги до работы и спорила с хозяином квартиры из-за слишком расплывчатого условия о возврате залога. Тогда дочь была благодарна. Теперь Ася сама зарабатывала, сама меняла краны в ванной с помощью мастера и отчего-то не нуждалась в предварительном одобрении каждого своего намерения.

— Конечно, — сказала Вера. — Сходи.

— Ты обиделась?

— Нет.

— Просто голос у тебя стал официальный.

— Это мой обычный голос.

— Вот поэтому я и спрашиваю.

— А у тебя самой-то как? — спросила Вера.

— Нервничаю, — призналась Ася. — Мне на собеседовании дали задание, а я половину программы забыла. В автобусе доделывала. Не надо сейчас советов, ладно?

— Ладно. Потом расскажешь.

Вера села на край дивана.

— Ася, я не сержусь. Я просто привыкла спрашивать, что дальше.

— А я привыкла, что ты спрашиваешь раньше меня. Слушай, у тебя самой что дальше с морем?

— Не знаю.

— Вот видишь. Ты не знаешь. Но я же не заставляю тебя сперва составить смету на неделю.

— И зря, между прочим. Возможно, смета помогла бы.

Ася рассмеялась.

— Съезди. Мне кажется, у тебя дома даже цветы стоят по графику.

— Цветам как раз полезен график.

— Мам, мне надо бежать, у нас смена. Поезжай на море. Иначе до самого собеседования мне придётся слушать про твои билеты. И не пиши кадровику в Тулу от моего имени, ладно?

— Я бы никогда не стала.

— Знаю. Но лучше уточнить.

После разговора Вера долго смотрела на свой зал. Стол по-прежнему раскладывался на шесть человек, хотя последние полгода она выдвигала только одну створку. Когда они с Игорем выплачивали кредит, на этом столе лежали папки с квитанциями, Асины тетради и начерченные карандашом размеры будущей кухни. После развода квартира осталась Вере, мастерская — Игорю. Теперь на столе лежал одинокий конверт с коммунальным счётом: за отопление опять начислили лишнее.

В прихожей висело длинное зеркало. Прежде чем выйти за хлебом, Вера поправила воротник пальто. На подкладке обнаружилась оторванная петелька; уже неделю Вера собиралась пришить её и каждый раз забывала.

У дома уже разносился прелый запах липовой листвы. До Советской она дошла пешком, по дороге обогнув дворникову тележку и грузовик, занявший половину тротуара у магазина. В «Причале» было тепло. За стойкой Лена спорила с кофемашиной, которая шумела так, словно пыталась сообщить что-то важное через стену.

— Вам как обычно? — спросила она.

— Сегодня чай.

Лена выключила пар и подняла глаза.

— У вас что-то случилось?

— Я иногда пью чай.

— Конечно. Просто в такие дни вы обычно просите его с лимоном и вздыхаете.

— Тогда без лимона.

За столиком у окна уже сидели Ирина и Света. Ирина помахала так энергично, что едва не задела локтем пустую чашку. Светлана, как всегда, чуть подалась в сторону, заранее готовая эту чашку поймать.

— Здравствуй, человек, у которого есть отпуск и нет желания им воспользоваться, — сказала Ирина.

— Здравствуй, человек, который присылает фотографии чемодана в рабочее время.

— Я была в обеденном перерыве.

— В девять тридцать.

— У меня гибкий график.

Светлана подвинула Вере свободный стул.

— Ира не оплатит ничего до твоего решения. Я её удержала. Давай просто поговорим.

Вера сняла пальто, аккуратно сложила его на спинку стула.

— Я не против моря. Я против того, чтобы внезапно исчезнуть на неделю.

— Ты не исчезнешь, — возразила Светлана. — Мы будем знать, где ты. Отель тоже. У тебя будет телефон. Самолёты пока не упразднили обратные рейсы.

— И кто-то должен заняться квартирой.

— У тебя в квартире живёт кот? — спросила Ирина.

— Нет.

— Собака?

— Нет.

— Ася?

— Ася в Калуге.

— Тогда кого именно мы оставляем без присмотра?

— Комнатные растения. И рабочие дела.

— Цветы я могу полить, — сказала Света. — С работы у тебя увольнения за неделю не будет. И квартиру твою я знаю лучше, чем свою. Помнишь, как мы там прятались от дождя на майских?

Светлана отложила ложку и сдвинула к центру стола телефон.

— И кстати, мы тебе в мессенджере написали, что сегодня здесь сидим. Ты видела?

— Видела. Я вообще-то шла за хлебом.

— Хлеб через дорогу, — сказала Светлана. — И он от нас не убежит.

— Ты тогда поставила мокрый зонт на паркет.

— И до сих пор мне это припоминают. Знаешь, Вера, почему я хочу с тобой ехать? Не потому, что считаю тебя несчастной. Ты такой не выглядишь. Но с тобой невозможно никуда спонтанно пойти, потому что даже прогулка должна кого-то обслуживать. Надо купить, отнести, поздравить, сдать. А я хочу, чтобы ты хоть раз села с нами и не смотрела каждые пять минут на телефон.

Ирина перестала крутить ложку.

— Я, между прочим, тоже не за романтическим приключением тебя тащу. Хотя если на нас внезапно обрушатся три приличных мужчины, препятствовать не стану.

— Только проверь, не заняты ли они, — сказала Света.

— И привиты ли от дурных привычек, — добавила Вера.

Они засмеялись. Лена принесла чай и поставила перед Верой маленькую тарелку с печеньем.

— Я печенье не заказывала.

— Оно в счёт не входит, — ответила Лена. — Нам сегодня привезли пробную партию. Если не понравится, скажите. Если понравится, тоже скажите, только потише: управляющая ещё не решила, оставлять ли поставщика.

Вера отломила кусочек. Печенье оказалось с апельсиновой цедрой, чуть солёным и неожиданно рассыпчатым.

— Неплохо, — признала она.

— Вот, — сказала Ирина. — Дайте я запишу: пробное печенье Вере понравилось. Это исторический момент.

— На кусок печенья, Ира. Не на кругосветное плавание.

— Ира, не трогай её. До билетов ещё дожить надо, — вмешалась Светлана.

Когда за окном зажглись фонари, они успели обсудить рейсы, разницу между октябрьским морем и обещанным в рекламе июльским, чемоданы и возможность попасть в хороший дождь. Ирина уже выбрала небольшой гостевой дом в Хосте, а Светлана проверила, есть ли у

него настоящее отопление и можно ли оттуда уехать на общественном транспорте, если погода совсем испортится. Вера один раз открыла рот, чтобы спросить о трансфере, но Светлана уже показывала маршрут автобуса на телефоне.

— Ну? — спросила Ирина, когда Лена принесла счёт.

Вера открыла телефон. В белом прямоугольнике по-прежнему стояло одно слово — «отпуск». Ни билетов, ни адреса, ни даже времени вылета она туда не добавила.

— С девятого по шестнадцатое, — сказала она. — Но номер берём с возможностью нормальной отмены. И без экскурсий каждый день.

Ирина схватила её за руку, но Вера тут же добавила:

— И не смейте никому рассказывать, будто вы меня победили.

— Конечно, — серьёзно ответила Светлана. — Это ты нас уговорила.

На улице шёл мелкий холодный дождь. Вера дошла до дома, не раскрывая зонт. Поднялась на свой этаж, сняла туфли, поставила телефон на зарядку и уже собиралась привычно открыть рабочую почту, когда пришло сообщение от Ирины: фотография билетов и одна строка — «Три места рядом, у окна твоё».

Вера увеличила снимок и проверила фамилии. Ирине это знание лучше было не сообщать.

В календаре она закрасила восемь дней — с девятого по шестнадцатое — светло-голубым.

Рядом со списком покупок Вера написала: «Передать Ольге ключ от шкафа с архивом». Поставила галочку и только тогда выключила телефон.

Глава 2. Ключи от чужой недели

Девятого октября, когда самолёт начал снижаться к Сочи, Вера обнаружила, что впервые за неделю ей не нужно высчитывать, когда выдастся свободный час. Ирина у иллюминатора растирала колено, ушибленное в гостинице возле аэропорта, и обещала написать жалобу мебельщикам.

Вера не любила дорожных подвигов. Возможность лететь прямым рейсом из Москвы стоила лишних расходов на ночёвку, зато избавляла от суеты с непредсказуемой пересадкой. До Сочи они добрались без происшествий; чемоданы приехали тем же самолётом, что и пассажиры, и Вера сочла это хорошим знаком, хотя не была склонна верить в знаки.

В Хосте их встретил воздух, который не знал, что в Липовой Пристани уже раздают отопление. За оградой неровно гудел насос, пахло разрезанными гранатами; у автобусной остановки мальчик отскребал засохшую грязь с подошвы сандалии. На перекрёстке продавали гранаты и маленькие мандарины, ещё слишком кислые, чтобы ими хвастаться. Светлана сразу расстегнула куртку.

— Я не помню, когда последний раз так пахло, — сказала она.

— Чем? — спросила Вера.

— Тем, что можно выйти из дома без шарфа.

Ирина вела их к гостевому дому с уверенным видом человека, который изучил карту в такси, но не заметил, что на карте не показана довольно крутая лестница. Лестница вывела их к узкому переулку, увитому старым плющом. За белой калиткой стоял двухэтажный дом с деревянными ставнями, во дворе висело бельё и росла магнолия. Вывески почти не было — на стене у звонка кто-то нарисовал крошечную синюю волну и написал «У Марины».

— Ты уверена, что это гостиница? — спросила Света.

— Гостевой дом. Гостиница была бы дороже.

Дверь открыла полная невысокая женщина лет шестидесяти в полотняном переднике. На переднике темнело пятно от помидорного сока.

— Мои дорогие! — сказала она, хотя ни с одной из них не была знакома. — Вы как раз к обеду. Только в комнаты сейчас не пущу: там ещё убирают. Чаю хотите?

— Мы заселение с двух согласовывали, — сказала Вера.

— Так сейчас без десяти два. Я ведь не спорю, что согласовывали. Пока чай поставлю, десять минут как раз пройдут.

Женщина оказалась Мариной Сергеевной, хозяйкой дома. Она показала им стол под навесом, где в плетёной корзине лежали лимоны, а на столешнице виднелся круг от горячей кастрюли. Ирина села сразу. Светлана отправилась изучать дорогу к пляжу. Вера осталась у калитки, держа сумку в руке.

— Что-то не так? — спросила хозяйка.

— Нет. Просто у меня здесь документы, не хотелось бы оставлять их на проходе.

— Тогда занесите в дом, у меня возле лестницы шкафчик с замком. А ключ можете оставить у себя. Без документов далеко не убежите, раз они вам так дороги.

Вера улыбнулась, хотя совершенно не поняла, шутит ли женщина.

За десять минут хозяйка успела поставить чай, принести три тарелки с сыром и позвать помощницу, которая в результате отдала им комнаты лишь в два двадцать. Вера могла бы возмутиться: обещанное время уже прошло. Но в кухне никто не спорил, Ирина с удовольствием ела хлеб с помидором, а Светлана из двора сообщала, что видела трёх кошек и одну ящерицу. Событие не имело признаков бедствия.

Ей досталась комната на втором этаже. Между крышами открывался узкий просвет моря; с улицы снизу долетал звон посуды и чей-то спор о припаркованной машине. Ванная была

крошечной, зато горячая вода шла сразу. На столе в тяжёлом стакане стояла ветка розмарина, а лёгкая штора то прилипала к раме, то отпускала её, когда с берега поднимался ветер.

Вера достала вещи и аккуратно разложила их по полкам. Через несколько минут обнаружила, что полок больше, чем вещей. На верхней полке остался одинокий носовой платок, который она забыла вынуть из кармана куртки.

В соседней комнате Ирина громко звала Светлану, потому что не могла открыть окно. Светлана отвечала, что ручку нужно повернуть вниз, а не тянуть. Раздался звук падающего предмета. Потом обе рассмеялись.

Вера проверила телефон, хотя никто не просил её об этом. Сообщение от Ольги пришло ещё вчера: «Всё спокойно. Не отвечайте». Дочь написала: «Долетела?» — и поставила рядом смайлик с пальмой. От Игоря было два уведомления: короткое текстовое «Есть вопрос по документам. Не горит» и следом голосовое на две минуты сорок секунд. Вера оставила запись непрослушанной.

Она ответила Асе: «Да, уже в гостевом доме. Здесь тепло и пахнет розмарином».

«В мире существуют и другие запахи, кроме распечатанной бумаги. Исследуй», — тут же пришло в ответ.

Вера надела лёгкое платье, посмотрела в зеркало и снова переоделась. Она не собиралась идти на пляж в платье, если после придётся лезть по мокрым камням; кроссовки и тонкие брюки казались разумнее. Но платье она всё же не убрала в чемодан, а повесила на дверцу шкафа. Пусть побудет на виду.

К четырём они вышли из дома и спустились к морю. Пляж был не пустой, но без летней тесноты: несколько семей с детьми, двое мужчин, азартно игравших в нарды на парапете, женщина, которая читала, прислонившись к свёрнутой ветровке. Вода местами казалась зелёной от тени облаков. Высоко над берегом шёл поезд, и его стук на минуту перекрыл разговоры.

— Я купаться не буду, — предупредила Света.

— А я буду, если ноги решат, что не холодно, — сказала Ирина.

Вера села на сухую часть галечника и обхватила колени. Она не помнила, когда в последний раз смотрела на воду без цели: не сравнивала оттенки для фотографии, не прикидывала, сколько людей придёт на городскую набережную, не пыталась угадать погоду к рабочей поездке. Ока в Пристани тоже умела менять цвет за несколько минут, но дома у воды всегда находилось какое-нибудь поручение. Купить хлеб. Передать пакет. Ответить на звонок по дороге.

— Ты чего задумалась? — спросила Света.

— Ничего важного.

— Вот и хорошо.

У дальней буны кто-то свистнул собаке. Та сделала вид, что не слышит, и побежала прямо в воду. Светлана расхохоталась.

На обратном пути Ирина купила разом пять видов чурчхелы, потому что продавец уверял, что один из них самый свежий. Светлана съела кусок, пожаловалась, что орехи слишком твёрдые, и ушла искать аптеку с пластырем: в дороге она натёрла пятку. Вера посоветовала промыть ногу, прежде чем клеить пластырь. Светлана спокойно ответила, что в состоянии справиться с собственной ногой.

Ирина посмотрела на Веру с нескрываемым удовольствием.

— Не начинай, — сказала Вера.

— Я ничего не сказала.

— Ты уже приготовилась.

— Мне нравится, когда тебе отвечают твоими словами.

К вечеру дом наполнился запахом жареного лука. Хозяйка готовила ужин для нескольких гостей, кто-то застучал крышкой кастрюли, а с первого этажа доносился разговор о том, можно

ли оставлять мокрые полотенца на деревянных перилах. Подруги решили поесть где-нибудь поблизости. Вера спустилась раньше остальных и остановилась в общей комнате у лестницы.

Там стоял старый стеллаж с книгами. Его явно собрали из двух разных: верхняя половина была светлее нижней, одна дверца отсутствовала, а на боковой стенке остались следы круглых наклеек. Книги лежали в три ряда. Рядом хозяйка повесила листок: «Берите читать. Если увезли случайно — пришлите другую. Только, пожалуйста, не песок между страниц».

Вера провела пальцем по корешкам. Справочник по субтропическим деревьям, три потрёпанных детектива, сборник рассказов в мягкой обложке, толстая книга о дореволюционных открытках. Она потянулась к сборнику — и услышала за спиной:

— У этой книги отсутствует последняя глава.

Она обернулась.

У дверного проёма стоял мужчина в тёмно-синей рубашке с закатанными рукавами. Ни чемодана, ни делового вида; в одной руке бумажный пакет, в другой связка ключей. Он, судя по усталым полоскам на переносице, только что снял очки. Ключи звякнули, когда он перехватил пакет другой рукой. Он смотрел не на неё, а на книгу.

— Это вы её вырвали? — спросила Вера.

Мужчина рассмеялся. Он смеялся с задержкой, будто сначала проверил, не обидится ли она на такую реакцию.

— Нет. Я обнаружил пропажу вчера. Даже хотел написать предупреждение.

— Тогда почему не написали?

— Не нашёл бумаги. Странно, да? В доме есть библиотека, а бумаги не нашлось.

— Не странно. Бумага обычно заканчивается именно тогда, когда она нужна.

Он поставил пакет на край стола и достал из него маленькую записную книжку.

— Теперь, кажется, нашлась.

— Предупреждение уже поздно. Я всё равно возьму книгу.

— Зачем? Вы же знаете, что финала нет.

Вера посмотрела на тонкий томик. Края обложки были загнуты, первые страницы шли волной — наверное, кто-то читал его на пляже.

— Странно будет бросить из-за чужой небрежности. Я хотя бы начну.

Мужчина задумался.

— Возможно. Я с этой стороны не смотрел.

Он отошёл, пропуская Иру, которая неслась по лестнице в лёгких босоножках и что-то спрашивала о ресторане. Вера положила сборник под мышку.

— А если там совсем плохо, — сказал мужчина, — на верхней полке есть ещё один. Только не берите тот, что с жёлтым корешком. Он скучнее, чем обещает обложка.

— Вы все книги здесь прочитали?

— Нет. Но некоторые успел пожалеть.

У двери Ирина перевела взгляд с Веры на незнакомца и приподняла брови. Вера уже слышала её вечернее: «Ну, рассказывай».

— Спасибо за предупреждение, — сказала она мужчине и повернулась к подруге.

— Пожалуйста. Если дочитаете до пропажи, интересно будет узнать, что вы об этом думаете.

— Я скажу Марине Сергеевне.

— Лучше мне. Уезжаю в следующую субботу.

Уже выходя, Вера вспомнила, что оставила книгу раскрытой на чужом стеллаже. Вернулась на два шага, закрыла её и только тогда пошла к калитке. Незнакомец не окликнул.

— Ну что, — прошептала Ирина в калитке, — ты ведь боялась, что без ежедневных экскурсий заскучаем.

— Он просто предупредил про последнюю главу.

— Конечно. А ты просто выслушала.

Светлана, догнав их у поворота, спросила, о чём речь.

— О книжке без конца, — ответила Вера.

— Для отпуска сомнительное удовольствие, — заметила Света. — Теперь будешь искать продолжение до ночи.

Вера повертела в руках тонкий сборник и заложила пальцем место, где обрывалась очередная глава.

Глава 3. Книга с запиской

Утром Вера проснулась от звука, которого не было в её квартире: кто-то во дворе ронял на каменную плитку спелые плоды. Сначала раздался глухой удар, затем ещё один, потом голос Марины Сергеевны:

— Антон, ведро подставь! Хурма от страха в ведро не посыплется!

Вера лежала и слушала, как невидимый Антон оправдывается с таким достоинством, будто ему поручили строительство плотины, а не сбор хурмы. За окном трепались белые шторы. Море из её комнаты всё ещё помещалось между двумя крышами; вчера оно казалось синее.

Телефон показывал восемь двенадцать. Будильник она поставила на девять — на тот случай, если всё-таки захочет посмотреть утренний берег. Но теперь не хотелось вставать именно потому, что никто не ждал её к определённому времени.

Вера перевернулась на другой бок, сунула руку под подушку и нащупала тонкую книжку. Вчера вечером она читала её до половины первого. Сборник оказался лучше, чем обещала вытертая обложка: смешные, иногда не очень добрые рассказы о людях, которые слишком долго тянули с разговором. Последний рассказ начинался на сто восемьдесят третьей странице. После сто девяносто второй сразу шла пустая задняя сторона переплёта. Кто-то когда-то аккуратно выдрал целую тетрадь, не оставив рваных краёв.

Героиня рассказа успела купить билет на пароход, написать письмо сестре и поссориться с мужчиной, которому не объяснила причину своего отъезда. Всё самое интересное оставалось за потерянными страницами.

Вера развернула книгу на последней прочитанной странице. За ночь листы слегка повело от морского воздуха. Она расправила угол; у корешка была едва заметна нить, на которой когда-то держалась вырванная тетрадь.

На завтрак Марина Сергеевна подала творог, омлет и огромную миску зелёного винограда. За соседним столом две пожилые женщины обсуждали маршрут автобуса, а молодой мужчина в спортивной куртке пытался убедить сына, что в октябре не обязательно каждый день плавать в море. Сын считал иначе.

Ирина сидела с мокрыми волосами.

— Мы уже искупались, — объявила она.

— Мы? — удивилась Вера.

— Я и море.

Светлана подняла голову от телефона:

— Она вошла по колено, закричала и вернулась. Я зафиксировала.

— Не каждый подвиг требует свидетелей, — обиделась Ирина.

Вера положила книгу возле чашки.

— А я дочитала.

— Ну как? — спросила Света.

— Очень интересно. Последней главы нет.

— Может, это такая форма? — предположила Ирина. — Читатель сам придумывает, с кем она осталась.

— Там не про то, с кем осталась. Там про то, почему она уехала, никому ничего не объяснив.

— И правильно сделала, — сказала Ирина. — Некоторые разговоры надо заканчивать ногами.

— Иногда надо сначала попробовать словами, — заметила Света.

Это была одна из причин, по которым Вера любила обеих. Они могли спорить о людях, которых никогда не существовало, и не требовать к концу завтрака общего решения.

После чая Ирина объявила программу: пройти вдоль берега до дальней станции, поесть рыбу в кафе, а после обеда подняться к смотровой площадке, которую ей посоветовали в интернете. Вера хотела спросить, успеют ли они при таком расписании хотя бы час посидеть в тишине, но тут на террасу вышел вчерашний мужчина.

Он нёс пустую кружку и, увидев книжку на столе, остановился.

— Значит, всё-таки взяли.

— И дочитала, — ответила Вера. — Вернее, почти.

— Я предупреждал.

— Не вы виноваты в том, что там нет конца.

— Не уверен. Я уже третий день то закрываю эту книгу, то возвращаюсь к ней. Всё кажется, что должен узнать, чем кончилось.

Ирина хотела что-то вставить, но Светлана пододвинула ей тарелку с виноградом. Обе остались за столом. Вера не стала снижать голос — мужчина всё равно стоял рядом.

— Понятно, — сказала она.

— Что? — спросил мужчина.

— У меня подруги уверены, что я без них даже чашку чая не выберу.

Он поставил кружку на соседний стол.

— Я Павел. Кудрявцев.

— Вера Синицына.

— Приятно познакомиться. Вера, вам нравится конец без конца или всё-таки нет?

— Не нравится, когда от меня скрывают информацию, которая есть у всех остальных.

— Значит, интернет вам в помощь.

— Но я не стала искать.

Павел усмехнулся и, прежде чем присесть, спросил, свободен ли стул. Вера пододвинула тарелку.

— Почему? — спросил он.

— Вы сказали, что вам не хотелось бы узнавать финал. Я подумала: возможно, вы прочитали больше и знаете что-то про автора.

— Я не говорил, что не хочу его знать. Я говорил, что не знаю, кто вырвал страницы. Это разные вещи.

— А вы очень аккуратно обращаетесь с формулировками.

— По работе приходится.

Вера положила ложку поперёк блюдца.

— Вы юрист?

— Нет. У меня книжный магазин в Рязани. Когда приходится отвечать покупателю за обещанный день доставки, слова тоже имеют значение.

Павел рассказал, как перед отпуском принял три коробки вместо двух по накладной, а покупательница оставила залог за книгу мужу на день рождения. Они с Ритой забыли спросить фамилию. На слове «залог» он полез в карман, проверил, не унес ли по ошибке магазинную расписку, и лишь тогда закончил историю. Вера впервые увидела за его спокойной улыбкой человека, которому вечером предстоит закрывать кассу.

— Свой магазин?

— Свой, если вы имеете в виду дело. Помещение арендую. Книжки в большинстве своём тоже не принадлежат мне навсегда — рано или поздно хочется, чтобы их купили.

— Название?

— «На полях».

— Как заметки?

— Настя придумала, когда ей было семнадцать. Я предлагал «Кудрявцев и книги». Она посмотрела на меня и спросила, не собираюсь ли я торговать одними учебниками. Пришлось согласиться.

— И сколько дочери сейчас?

— Двадцать пять. Живёт отдельно. Иногда напоминает мне, что за название надо было заплатить процент от будущей прибыли.

— Наверное, получает?

— По результатам года я мог бы быть должен ей две пачки кофе.

Вера засмеялась. Павел тоже улыбнулся, но не стал развивать шутку. Он посмотрел на книжку, осторожно коснулся пальцем её корешка.

— Я вчера хотел сказать: бумага там плохая. Если читать на пляже, расклеится совсем.

— Мне показалось, вас раздражает не бумага, а отсутствие развязки.

— Одно другому не мешает.

— Вот сейчас я вам верю.

Солнечный свет добрался до края террасы. На нижней ступени появилась полосатая кошка, обнюхала пустое блюдце и ушла, не признав завтрак достойным внимания.

Павел спросил, давно ли Вера здесь. Она рассказала о вчерашнем перелёте, подругах и о том, что приехала впервые за много лет. Когда он спросил, откуда, она произнесла «Липовая Пристань» и приготовилась назвать ближайший крупный город.

— На Оке? — уточнил он.

— Да. Знаете?

— Только по картам и одному разговору с человеком, который заказывал у меня старые альбомы про речную торговлю. Он называл ещё пару городов по соседству, но я не запомнил.

— Значит, не были.

— Не был. Вы, наверное, сейчас скажете, что зря.

— Не скажу. Там не обязаны побывать все, кто умеет читать.

— А хорошо у вас?

Вера задумалась. Обычно в ответ на такой вопрос люди давали заранее заготовленный набор: тихий город, старый берег, липы, красивая река. Всё это было правдой, но не объясняло, почему она однажды отказалась от предложения перебраться в областной центр, хотя там платили немного больше.

— Хорошо по-разному, — сказала она. — У нас замечательная набережная, если не смотреть под ноги у старой части. Неплохая библиотека, хотя ей не хватает денег. Есть очень хорошая кофейня на Советской. А ещё люди считают, что если познакомились десять лет назад, то вправе давать советы о твоей жизни.

— Вы описали всю Россию, а не один город.

— Возможно. Но у нас это компактно.

Он кивнул.

Пока они разговаривали, Ирина успела трижды показаться в дверях и исчезнуть. На четвёртый раз Вера подозвала её жестом.

— Мы ведь куда-то собирались?

— Конечно. Но мне уже не хочется торопиться. Мы со Светой решили после обеда к рыбе, без дальней станции. Всё равно там в воскресенье толпа.

— Ты сама утром сказала, что толпы не будет.

— Я пересмотрела прогноз толпы, — невозмутимо ответила Ирина и обратилась к Павлу: — Вы с нами пойдёте?

Вера поймала чашку за ручку прежде, чем та сдвинулась к краю столика.

— Ира.

— Я спросила совершенно обычный вопрос. Людей здесь кормят. Некоторые из них даже едят.

— Спасибо, — сказал Павел. — Но у меня утром рабочий звонок, после — свои дела. Может быть, в другой раз.

Ирина уже отворачивалась, делая вид, что изучает вывеску над калиткой.

— Вот и прекрасно. Вера, пошли собираться.

Когда подруги ушли за сумками, Павел вынул из кармана небольшую ручку и написал на обороте чека из кафе название книги и фамилию автора.

— Здесь, кажется, другой сборник с тем же рассказом. Если захотите найти окончание, вот что искать. Чек не мой, кстати, остался от вчерашнего ужина. С чистой бумагой у нас по-прежнему напряжённо.

Вера взяла записку. У правого края чек был смят, возле цифр расплывалось круглое чайное пятно. Фамилия писателя была выведена разборчиво, а название — торопливо, буквы налезали одна на другую.

— Спасибо. Может, сегодня и поищу.

— Только, пожалуйста, не ищите в интернете прямо сейчас. Я потом буду виноват, что испортил вам завтрак.

Вера машинально посмотрела на часы. И тут же сунула телефон в сумку, потому что Ирина уже кричала с лестницы, что автобус ждать не станет.

— Хорошо, — сказала она. — Поищу потом.

• • •

К обеду солнце спряталось за невысокими облаками. Ирина шла впереди, пытаясь фотографировать узкие улочки так, чтобы в кадр не попадали провода. Светлана присела на парапет и достала из сумки маленький блокнот: записывала расходы, хотя не собиралась никому предъявлять отчёт.

— Ты в отпуске тоже считаешь? — спросила Вера.

— Для удовольствия. Хочу знать, сколько стоит моя собственная радость. А не удивляться потом выписке по карте.

— Хороший подход.

— Не одобряй слишком громко. Ира услышит и скажет, что мы не умеем жить.

— Я всё слышу! — отозвалась Ирина. — И подтверждаю!

У моря было ветрено. Они заказали жареную рыбу и овощи, потом долго сидели, укрыв ноги пледами, которые принесла официантка. Ирина рассказывала о сыне: тот снова менял квартиру и считал, что мать непременно должна помочь ему найти грузчиков.

— Я предложила два телефона, — сказала Ирина. — Он обиделся: «Мам, ты же могла сама договориться». Представляете? Я и хотела, чтобы мог сам.

— Он, наверное, испугался, что в этот раз придётся самому отвечать, — сказала Света.

— Ему двадцать девять. Пора бояться достойных вещей.

Вера вспомнила Асин вопрос о работе и потянулась к телефону. Последнее сообщение от дочери по-прежнему заканчивалось словами «сама позвоню». Вера убрала телефон обратно.

— А ты? — вдруг спросила Ирина. — Давно разговаривала с Игорем?

— Он вчера прислал голосовое. Ещё не слушала.

— Значит, не срочно.

— Перед этим написал, что не горит.

— Вот и верь человеку. Хотя бы на этот раз.

Светлана подняла бокал воды.

— За то, чтобы слово «не срочно» хотя бы иногда означало именно это.

Они чокнулись водой и лимонадом.

Вечером, вернувшись в гостевой дом, Вера открыла Павлов чек. Дождь успел намочить его в кармане, и часть цифр побледнела. Фамилия автора оставалась видна. Она набрала название в поиске, нашла несколько ссылок и даже увидела электронную версию сборника. До последней страницы оставалось два нажатия.

Вера прикрыла вкладку и распахнула окно. Внизу Марина Сергеевна звала Антона убрать вёдра до ночи; из двора тянуло запахом мокрой известки. Она наконец нашла место в книге, на котором остановилась.

Телефон погас. Чек, вставленный между страницами, торчал наружу узкой белой полоской. Вера прижала его пальцем и закрыла книгу.

Глава 4. Без экскурсовода

В понедельник у Ирины заболели ноги.

После вчерашних двадцати тысяч шагов Ирина ступала осторожно и держалась за перила даже на двух ступеньках. Светлана на всякий случай предложила провести день спокойно. Вера согласилась первой, чем заметно испортила Иринино настроение: та уже приготовила речь о необходимости активного отдыха.

— Если мы весь день будем сидеть под магнолией, вы меня вечером возненавидите, — сказала Ирина, пододвигая к себе тарелку с оладьями.

— Не будем, — ответила Вера. — Я пройдусь до рынка. Куплю открытки. А после обеда можем поехать куда-нибудь недалеко, если захочется.

— Ты сказала «если захочется»? — переспросила Светлана.

— Не надо устраивать праздник по этому поводу.

— Я ничего не устраиваю. Просто приятно, когда другой человек начинает говорить понятными словами.

До рынка они в итоге дошли втроём. Ирина хромала лишь до первой лавки с фруктами, после чего совершенно забыла о ногах. Светлана выбирала подарок сестре: небольшой керамический поднос, который можно было увезти без отдельного чемодана. Вера искала открытку с морем, но все предлагаемые виды отличались от того, что она видела вчера: солнце везде было слишком оранжевым, волны слишком послушными, а небо явно из другого месяца.

Она купила обычную открытку с железнодорожным мостом. На обороте написала Асе: «Здесь красиво даже без рекламного заката». Адрес узнала из их последнего разговора. Потом подумала и добавила: «С собеседованием разберёшься сама. Если понадобится помощь — звони».

— Ты открытку отправлять собираешься? — удивилась Ирина.

— Да.

— В двадцать первом веке?

— Мы с дочерью в нём и живём.

Ирина рассмеялась, не найдя возражения.

Павла они встретили у маленького книжного киоска, который прятался за газетным павильоном. Он стоял боком к проходу, разговаривал по телефону и делал пометки в блокноте. Вид у него был не туристический: плечи напряжены, брови сведены, свободная рука лежала на низкой металлической стойке с дешёвыми брошюрами.

— Я тебя понимаю, — говорил он кому-то. — Но если поставщик не подтвердил отгрузку, мы не будем обещать клиенту четверг. Напиши ему сегодня, что срок уточняется. И предложи вернуть предоплату, если это подарок к дате... Нет, виноватого искать после. Сейчас человеку надо ответить.

Он заметил Веру, кивнул и сделал знак, что закончит через минуту.

Ирина посмотрела на Светлану. Светлана взяла Ирину под локоть и увела дальше без слов. На этот раз Вера даже не попыталась их остановить.

Павел убрал телефон.

— Простите. Рита нашла две одинаковые книги, а одна с дарственной. Человек заказал в подарок именно её. И теперь мы не можем найти коробку.

— Разобрались?

— Почти. Рита найдёт нужную коробку и позвонит клиенту. Я могу только мешать на расстоянии.

— Вы правда так думаете?

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вы о чём?

— Что можете мешать. Многие люди уверены, что без них всё рухнет, даже если находятся в тысяче километров.

— Я иногда тоже уверен. Но у меня есть сотрудница, которая, к счастью, не разделяет моего мнения.

Он вынул из кармана телефон, включил беззвучный режим и положил обратно.

— Теперь можно сделать вид, что я в отпуске. Вы куда идёте?

— Хочу найти нормальные открытки. И, наверное, ничего больше.

— Тогда вам не сюда. Тут открытки с яхтами, которые никогда не швартовались возле этого берега.

— Вы знаете лучшее место?

— На соседней улице есть почтовый павильон. Не обещаю открыток, но проверить можно.

Он ждал ответа. Вера посмотрела туда, где скрылись подруги, и уже приготовилась сказать, что ей пора. Вместо этого спросила, далеко ли идти.

— Пойдёмте, — сказала Вера.

Они дошли до почтового павильона. На стенде нашлась только одна открытка без искусственно розового заката — с пристанью в дождь, — но её успели надорвать у края. Вера купила её и положила между страницами блокнота. Потом они обогнули ряд закрытых летних палаток и вышли к тихой улице за остановкой. Там продавали ещё тёплые булочки с зеленью, а на соседнем прилавке лежали тонкие книжечки с местными маршрутами. Павел купил одну и немедленно раскритиковал карту: бумага от первого прикосновения к влажным пальцам начала загибаться.

— И зачем вы её взяли? — спросила Вера.

— Чтобы потом вспомнить, как не надо печатать карты.

— Удивительно дорогое хобби.

— Семьдесят рублей. Могу себе позволить один профессиональный порок.

Она купила бумажный пакет с двумя булочками. Одну протянула ему.

— Раз у вас порок на семьдесят рублей, у меня будет на сто сорок.

Павел поблагодарил и, прежде чем надкусить, отломил маленький кусочек на салфетку.

— Вы что, проверяете качество? — спросила Вера.

— Нет. У меня на руке осталась типографская краска от книжки. Не хочу есть вместе с ней.

Она посмотрела на его пальцы. На подушечке большого пальца действительно чернело маленькое пятно.

— Вы только что держали карту. Это не типографская краска, а дешёвый тонер.

— Тем более.

Они сели на низкую стенку над небольшим двориком, где пожилая женщина развешивала бельё. Поблизости рос гранатовый куст, плоды на нём потрескались, и сквозь красную кожуру виднелись зёрна.

— А вы кем работаете, Вера? — спросил Павел, доев булочку.

— В договорном направлении одной компании. Поставки оборудования. Не самое романтическое занятие.

— Не знаю. Если вы добиваетесь, чтобы вещи приезжали туда, где их ждут, в этом есть смысл.

— Вы сейчас собираетесь сделать из логистики поэзию?

— Нет. Я вчера тоже не смог вовремя получить заказ. Смысла в этом не было никакого.

Он сказал это спокойно и так не вовремя, что она рассмеялась. Павел улыбнулся, но не пытался удержать её смех ещё одной шуткой.

Потом разговор пошёл сам собой: сначала о работе, затем о городах, где они жили, о людях, которые в сорок лет вдруг покупают дорогие кроссовки и считают это началом новой биографии, о матери Павла, которая до сих пор называет его магазин «твоей палаткой», хотя лавке уже двенадцатый год.

— Я долго думал, что она издевается, — сказал он. — А потом понял: для неё всё, где продают газеты и книги, палатка. Даже если здание кирпичное.

— Моя мать считала, что юридическая работа — это сидеть за большим столом и ставить печать. Когда я впервые стала работать из дома, она решила, что меня понизили.

— А когда объяснили?

— Сказала: «Главное, чтобы пенсию начисляли».

— Практичная женщина.

— Была. Очень.

Мать умерла четыре года назад. Павел не торопился с новым вопросом, и Вера успела доесть остывший край булочки. Иногда ей всё ещё слышалось мамино «Главное, чтобы пенсию начисляли» — с ударением на последнем слове.

— Она прожила хорошую жизнь, — произнесла Вера. — Не простую. Но у неё было много людей, которым она нравилась. Я тогда думала, что мне надо быть такой же. Теперь не уверена, что у меня получится.

— Почему?

— Она легко сходилась с людьми. А у меня первое желание — спросить, чего они хотят и что это будет стоить.

— Это полезный вопрос. Только иногда люди хотят посидеть рядом и съесть булочку.

— А потом?

Павел пожал плечами.

— Потом я иду по своим делам. Но сейчас мы ещё сидим.

Вера посмотрела вниз, на смятый пакет у своей ноги. Павел дожевал булочку и стряхнул крошки с брюк. Вера обнаружила, что сидит и улыбается одна.

Телефон Веры завибрировал. На экране снова высветилось имя Игоря.

Она убрала телефон в сумку. Павел принялся складывать карту по сгибам, которых на ней не было.

— Мне пора встретиться с подругами, — сказала Вера. — Мы обещали пообедать вместе.

— Конечно. Давайте я провожу вас до остановки.

Они пошли обратно. У рынка пахло горьким кофе, из кафе играла музыка, которую Вера слышала ещё в молодости, но не могла сразу вспомнить название. Перед поворотом на улицу к гостевому дому она остановилась.

— Павел, вы всё время называете мои решения разумными. Не надо так. Я иногда делаю глупости.

— Не сомневаюсь. Я просто пока не видел.

— Это предупреждение.

— Принято.

На прощание Павел всё-таки протянул руку. На пальце у него оставалось тёмное пятно от дешёвой карты, которую они листали. Вера пожала ладонь и только после заметила, что держала её чуть дольше обычного.

— До встречи, — сказала Вера.

— До встречи.

Вера поднялась к дому одна. Ирина и Светлана сидели за столом во дворе, спорили о завтрашнем автобусе. Марина Сергеевна несла чайник, прижав к груди чистое полотенце. Ирина придвинула ногой третий стул. Вера села, ещё чувствуя на ладонях соль от морского поручня.

Ирина сунула ей в руку половинку айвы.

— Попробуй. Кислая, зато пахнет прекрасно.

Вера надкусила и немедленно поморщилась.

— Ира, она не кислая. Она вообще не предназначена для еды в таком виде.

— Ну вот, — сказала Светлана. — А я ей полчаса объясняла.

Вера съела ещё кусок айвы, хотя щёки снова свело от кислоты.

Вечером она всё-таки прослушала голосовое сообщение Игоря. Бывший муж говорил о документах мастерской, о том, что ему нужен старый акт приёма оборудования, и между прочим спросил, как она отдыхает. Потом добавил: «Вер, я тут подумал, может, когда приедешь, поужинаем? Давно нормально не говорили».

Вера выключила запись. Старый акт лежал не у неё, а в архиве мастерской; Игорь прекрасно это знал. Всё остальное потребовало бы отдельного разговора.

Она набрала ответ: «Я вернусь в субботу. Документы ищи у себя. Про ужин решим позже». Перечитала и отправила.

Через минуту пришло: «Ясно. Хорошего отдыха».

Тон по трём словам угадать было невозможно. Раньше Вера обязательно позвонила бы, чтобы выяснить, не обидела ли человека. Сегодня она положила телефон в ящик тумбочки.

За окном пахло влажной зеленью. Снизу доносился Иринин голос, споривший с кем-то о том, почему отдых обязательно надо называть «правильным». Вера взяла лёгкое платье с дверцы шкафа, аккуратно расправила складки и повесила его на вешалку возле зеркала.

Может быть, завтра она наденет это платье.

Глава 5. Сезон заканчивается

Во вторник утром у Марины Сергеевны исчез сахар.

Точнее, сахар стоял там же, где и вчера, — в синей жестяной банке возле чайника, — но кто-то переставил банку за вазу с сухими веточками. Хозяйка обошла стол два раза, заглянула под салфетки и объявила, что осень — время, когда вещи начинают искать себе зимнее место.

— Вчера вы сами поставили его за вазу, — заметила Светлана.

— Разве? Значит, хотела убрать с глаз. Гости любят сладкое, а потом ругают меня за лишние килограммы.

— У вас за неделю не успеть, — утешила её Ирина.

— Это вы себя недооцениваете.

Вера наливала чай и слушала, как они спорят о сахаре, с неожиданным удовольствием. Дома подобный разговор окончился бы через пятнадцать секунд: банку нашли, вопрос закрыт. Здесь никто не торопился закрывать вопросы, потому что завтрак от этого не становился короче.

Светлана разрезала персик ножом, который был слишком тупым для такой работы. Сок потёк по пальцам. Она подставила тарелку, недовольно посмотрела на плод и всё же не стала просить другой нож.

— Мы сегодня куда? — спросила Ирина.

— Я хочу посидеть у воды, — сказала Света. — Вчера мы её видели исключительно на ходу.

— А я зайду на почту, — ответила Вера. — Открытку отправить.

— Ты её ещё не отправила?

— Нет. Открытка не электронная. Ей требуется учреждение.

Ирина оглядела открытку и спросила, не понадобится ли для неё печать из отдела кадров.

После завтрака они условились встретиться у моря к часу. Светлана взяла книгу, Ирина — купальник, хотя накануне утверждала, что больше к воде не приблизится. Вера пошла к почте. По дороге она увидела закрытый киоск с мороженым. На пустых крючках под навесом покачивались пластиковые ценники; слово «эскимо» ещё было видно, цена уже выгорела. У соседнего павильона мужчина снимал выцветшие рекламные полотнища, складывая их так бережно, будто весной собирался вывесить снова.

Кафе на углу уже повесило короткое расписание. Продавщица фруктов пересыпала последние инжиры из большой коробки в маленькую.

На почте перед Верой стояли двое. Мужчина отправлял посылку с вином, хотя сотрудница терпеливо объясняла, что в таком виде отправить её нельзя. Пожилая женщина покупала конверты и придирчиво проверяла клей. Вера дождалась очереди, наклеила марку и опустила открытку в ящик. Дочке фотографию она могла переслать мгновенно. Открытка придёт, возможно, после её возвращения, зато Ася получит предмет, который несколько дней ехал к ней без всякой пользы.

Возле перекрёстка Вера увидела Павла. Он стоял у книжной палатки, перед длинным ящиком, покрытым клеёнкой, и держал тонкую книгу на расстоянии вытянутой руки. Продавщица наблюдала за ним с усталым терпением.

— Вы, конечно, можете смотреть на неё ещё долго, — сказала она. — Но обложка от этого новой не станет.

— Меня обложка устраивает. Я проверяю, все ли страницы на месте.

— У меня книги без страниц не продаются.

— Это хорошее правило. Я недавно встретил одну, у которой пропала концовка.

Вера остановилась в двух шагах.

— Похоже, у вас появилась профессиональная травма.

Павел обернулся. На щеке отпечатался уголок очков, которые он, должно быть, только что снял. — Вы как раз вовремя, — сказал он. — Помогите мне не купить ещё одну книгу.

— Здравствуйте. Вы не подскажете, где лучше проверять книги? На солнце или всё-таки под лампой?

— Под лампой видно больше недостатков, — сказала Вера. — Но тогда вы можете совсем ничего не купить.

Продавщица довольно хмыкнула.

— Вот женщина понимает торговлю.

Павел всё-таки купил книгу. Это был старый путеводитель по Черноморскому побережью с рисунками вместо фотографий. Вера заглянула через его плечо: между страницами помещалась схематическая карта, на которой береговая дорога выглядела удивительно прямой.

— Из-за карты? — спросила она.

— Из-за пометок на полях. Смотрите: кто-то подчеркнул «отличный вид на море» и приписал «обман». Потом в другом месте: «неплохой чай». Через двадцать страниц у него, кажется, улучшилось настроение.

На полях действительно шла отдельная жизнь. Почерк был крупный, местами буквы налезали друг на друга. Возле описания маленькой бухты неизвестный путешественник оставил замечание: «Ходить осторожно. Ветер».

— У него был практический ум, — сказала Вера.

— А вы считаете, что я купил чужие жалобы за собственные деньги.

— Я ничего такого не говорила.

— Пока.

Они отошли от прилавка. На улице запахло жареным тестом; из открытой двери пекарни грузили пластиковые ящики в фургон. Павел предложил кофе. Вера посмотрела в сторону моря, где через час должна была встретиться с подругами.

— На полчаса, — ответила она. — Потом у меня планы.

— Какие?

— Сесть и смотреть на воду.

— Важное дело. Не смею задерживать.

Кофе они взяли навынос. На свободной лавочке лежала размокшая картонная коробка; Павел поставил стаканы на край парапета, убрал коробку в урну и только потом сел. Вера заметила, что на его кроссовке развязался шнурок. Он тоже заметил, но завязывать не спешил.

— Вы ведь не просто любите книжки, — сказала она. — Вы любите, когда они переходят из рук в руки.

— И когда за них платят, — ответил Павел. — Это тоже существенная часть процесса.

— Я вижу, что вы не для красоты этим занимаетесь. Хотя вы, конечно, упорно говорите о деньгах.

— Понимаю. Но мне важно говорить и про это. Когда люди слышат «свой книжный магазин», они представляют человека в свитере, который целыми днями сидит за дубовым столом и перечитывает любимые романы. У меня стол из ДСП. И чаще всего на нём лежат коробки с тем, что заказывали месяц назад, а купили уже у другого продавца.

— Почему не возвращаете?

— Не всё можно вернуть. Где-то условия поставки, где-то сроки, где-то стоимость доставки съедает смысл. А ещё я сам ошибаюсь. Заказал однажды двенадцать экземпляров книги о выращивании винограда в средней полосе. Думал, к осени разберут. До сих пор пять стоят.

— А почему не два? Вы же сами говорите, что покупатель непредсказуем.

— Вот этот вопрос я себе и задаю. Раз в квартал, когда делаю инвентаризацию.

Вера представила коробки, которые приходится обходить боком, и книгу о винограде, неподвижную среди чужих заказов.

— И зачем продолжаете? — спросила она.

Павел задумался. Он долго смотрел на раскрытый путеводитель. Вера уже собиралась забрать вопрос, когда Павел заговорил.

— Знаете, лет шесть назад к нам зашла девочка лет двенадцати. Попросила книжку о птицах. Я спросил, для школы? Она сказала: нет, ей нужно узнать, что живёт возле их балкона и почему по утрам кричит. У нас был большой атлас, дорогой, и маленький старый определитель, недорогой. Я продал маленький. Через месяц она пришла и сообщила, что кричит вовсе не та птица, на которую я подумал. И указала страницу. Мне очень понравилось, что я ошибся и она сумела это доказать.

— А если она больше не придёт, вам хватит того единственного разговора?

— Мне мало одного хорошего разговора на шесть лет, — ответил Павел. — Если вы об этом. И деньги нужны, конечно. Я же не благотворительный фонд. Когда удаётся нормально рассчитаться с издательством, заплатить Рите и оставить себе достаточно на квартиру и продукты, я радуюсь совершенно не литературно.

— Хорошо, что вы об этом сказали.

— Обычно после такого слушатели разочаровываются.

— Я занимаюсь договорами на поставку оборудования. Меня трудно разочаровать фактом существования счета.

Павел рассмеялся, откинув голову. Над воротом футболки осталась белая полоска незагорелой кожи; на большом пальце у него был свежий порез, заклеенный аптечным пластырем. Когда он взял стакан, пластырь задел край и отлепился. Павел попытался прижать пластырь, но тот снова отлип. Тогда он снял его и убрал в карман.

Павел перевернул купленный путеводитель и замолчал. На последней странице стоял штамп библиотеки, давно не существовавшей. Он провёл по нему пальцем.

— Я иногда думаю, что держусь за магазин только потому, что не умею его отпустить, — сказал он. — Не романтично звучит, правда?

— Правда. Зато я вам верю.

— А вы что держите?

Вера допила кофе и провела большим пальцем по размокшему ободку стаканчика. Вопрос был неожиданно точный, и ей захотелось отшутиться.

— Стол на шесть персон, — ответила она. — Большой. Почти никому не нужен, а выбросить жалко. И ещё привычку отвечать на сообщения быстрее, чем человек успевает пожалеть, что написал.

— Стол можно оставить. Привычку — не знаю.

— Я тоже не знаю.

С улицы донёсся длинный скрежет: у цветочной лавки опускали металлическую решётку. Женщина вынесла ведро с помятыми хризантемами и поставила рядом с тротуаром табличку «забирайте». Прохожая взяла две ветки, обернулась поблагодарить, но продавщица уже исчезла внутри.

Вера встала. До встречи оставалось четверть часа.

— Мне пора.

— Вы всерьёз будете сидеть у моря?

— Да. А вы?

— Пойду посмотрю, как закрывают сезон в одном старом кафе. Мне сказали, там ещё варят хорошую чечевичную похлёбку.

— Вы проверяете все отзывы лично?

— Если речь о супе, стараюсь.

Он поднялся вместе с ней. На мгновение Вера подумала, что он предложит присоединиться. Но Павел не предложил; проводил её до поворота и остановился.

— Вера, а завтра вы заняты?

— Пока нет.

— Я хотел съездить в Кудепсту. Есть небольшой магазинчик с подержанными книгами, по словам хозяйки дома, туда иногда привозят старые открытки. Не самый великий туристический повод. Если вам интересно, можем вместе.

Ей было интересно, хотя звучало это как приглашение провести полдня среди пыльной бумаги. На секунду ей захотелось узнать, есть ли в Кудепсте хотя бы приличное кафе. Спросила только, откуда отправляется автобус.

— Напишите мне вечером, куда и во сколько, — сказала Вера.

— У меня ещё нет вашего номера.

Она посмотрела на него. Павел достал телефон, но не сунул в её сторону экран; ждал, пока она сама решит. Вера продиктовала номер. Он записал, повторил последние цифры и отправил короткое сообщение: «Павел. Книжка о винограде всё ещё продаётся».

— Теперь есть, — сказал он.

У моря Ирина уже сидела на покрывале. Светлана устроилась рядом, вытянув босые ноги. Между ними стоял термос и лежал пакет с печеньем.

— Ты опоздала на пять минут, — сообщила Ирина.

— Мы не назначали точного времени.

— Тогда я опоздала на пять минут, а ты пришла вовремя.

Вера села, сняла обувь и осторожно опустила ступни на ещё тёплую гальку. Море было тёмным, на дальнем краю горизонта прошёл грузовой корабль. Светлана протянула ей чай.

— Как почта? — спросила она.

— Работает. Открытку отправила.

Ирина открыла рот. Светлана накрыла её ладонь своей. Вера отпила чай, слишком горячий, и едва не обожглась второй раз.

— Я завтра поеду в Кудепсту, — сказала она. — С Павлом. Если ничего не изменится.

Ирина откинулась на покрывало.

— Наконец-то. Я думала, ты сообщишь об этом заказным письмом.

— Ира, — предупредила Светлана.

— Ладно, ладно. Не смотрите на меня так.

— Без плаката, — сказала Вера.

Она обхватила ладонями бумажный стаканчик с чаем. Под ногами перекатывались камешки; вдалеке дети кричали друг другу, стараясь перебросить мяч через неглубокую канаву в гальке. До обратного вылета оставалось четыре дня. Телефон завибрировал: Ирина, сидевшая напротив, прислала ей фотографию покрывала с подписью «Хорошо сидим». Вера сунула телефон в сумку и попросила передать печенье.

Глава 6. Условие на один день

В среду Вера надела то самое платье.

Оно было серо-голубое, свободное, с маленькими пуговицами у ворота. Дома она считала его слишком простым для ресторана и слишком нарядным для продуктового магазина, поэтому носила раз в год, когда не удавалось придумать третьего назначения. Здесь платье оказалось вполне уместным: на улице стояло тепло, а день пока не требовал ни того, ни другого.

Ирина сидела на ступеньках террасы и чистила мандарин. При виде Веры она так старательно сделала безразличное лицо, что та немедленно остановилась.

— Что?

— Ничего. Очень хорошо выглядишь.

— Ты так говоришь, словно вчера было плохо.

— Вчера ты выглядела человеком, который собирается проверить пожарные выходы в торговом центре. Сегодня — человеком, который туда не пойдёт.

Вера спустилась с последней ступеньки.

— Я с Павлом, — сказала она. — Поедем в Кудепсту, если получится.

— Мы помним. Ты вечером сказала. И ещё раз утром, когда просила не занимать тебе завтрак.

— Значит, я уже надоела.

— Нет, — вдруг серьёзно ответила Ирина. — Просто съезди. А мы со Светой сами разберёмся, чем себя занять.

Она протянула Вере половинку мандарина. Плод оказался таким кислым, что обе зажмурились. Ирина немедленно сунула оставшиеся дольки в карман фартука, который надела ради утренней помощи хозяйке.

— Марине Сергеевне отдам на компот, — сообщила она.

— Ты у неё работаешь?

— Официально нет. Но я сегодня объяснила, как лучше вести записи о бронировании. Она послушала и сказала, что прежде выучит меня варить варенье. Мы друг друга заслужили.

Павел ждал возле калитки. В светлой рубашке он выглядел чуть моложе, чем вчера, но в руках держал тот же блокнот. Вера сразу обратила на него внимание.

— Только не говорите, что у вас там программа путешествия.

— Адрес книжной лавки. И две рекомендации от Марины Сергеевны. Одна — где поесть, другая — где не стоит.

— Вы составили план из двух пунктов?

— Записал. Это разные занятия.

Они пошли вниз к остановке. Подпорные стены вдоль дороги заросли мелкими папоротниками, в трещинах асфальта стояла вода от ночного полива. У школы дети в форме выбегали из ворот, над ними перекрикивались вороны. Вера достала телефон, чтобы проверить время. Павел спросил, зачем они спешат, и она убрала его. Павел рассказывал, как в детстве ездил к родственникам в Анапу и однажды целую неделю боялся медуз, хотя ни одной не видел. Она рассказала про дачу родителей под Пристанью, где по весне затапливало сарай и все взрослые делали вид, будто вода пришла совершенно неожиданно.

— А сарай зачем оставляли? — спросил Павел.

— Он стоял там раньше нас. На семейном совете это считалось уважительной причиной.

Они засмеялись. Из-за поворота уже донёсся гул автобуса.

— Быстрее, — сказала Вера.

— Мы успеваем.

Не успели.

Автобус подошёл к остановке, пока они переходили дорогу по переходу. Павел замахал водителю свободной рукой, но тот уже закрыл двери и плавно тронулся. Вера остановилась у столба с расписанием, отдышалась, посмотрела вслед машине. На заднем стекле висела наклейка с усталым солнцем.

— Вы сказали, успеваем. Я из-за этого не посмотрела расписание.

— Я ошибся.

— И даже не огорчились?

— Огорчился. Но автобусу от этого не холодно и не жарко.

Вера посмотрела на Павла. Он не спорил с тем, что автобус мог опоздать. Ей же хотелось спросить, почему он так легко отказался от прежних обещаний, но вопрос вышел бы резче, чем она хотела.

— Я рассчитывала выехать этим рейсом, — сказала она. — Если вы обещаете, что успеем, я вам верю. А потом получается, что мы даже не посмотрели время.

Он спрятал блокнот.

— Вы правы. Я прикинул расстояние на глаз. Надо было выйти раньше. Простите.

Вера не ожидала, что он извинится так быстро. Хотелось продолжить спор, но предмета для него почти не осталось.

— Посмотрим, когда следующий.

На остановке была наклеена бумажка с предупреждением о временном изменении движения. Часть текста размылась. Павел открыл приложение на телефоне, проверил два варианта и показал экран Вере: ждать около сорока минут, можно уехать на другой маршрут с пересадкой, но выигрыш получится сомнительный.

— Такси, наверное, быстрее, — сказал он.

— Конечно. Но мы ехали не спасать человека из горящего дома.

— Это облегчает выбор.

— Мне хочется просто спокойно доехать. И ещё: если что-нибудь опять пойдёт не так, мы не обязаны искать замену каждому пункту.

Павел кивнул.

— Договорились. И можете сказать, если устанете. Не надо терпеть ради моей лавки с открытками.

— Это тоже условие?

— Скорее просьба. Я иногда не замечаю, что человеку уже неинтересно.

— Я скажу.

Они купили пирожок в маленькой столовой напротив остановки, разделили пополам и сели на низкую скамью под пальмой. В тени было прохладнее, чем на улице. Мимо проходили люди с сумками, женщина в жёлтом жилете подметала дорожку, стараясь загнать листья к краю тротуара. Они ждали автобус и говорили о вещах, которые обычно не заслуживают места в рассказе об отпуске: кто дома моет окна, как трудно выбрать хороший арбуз в конце сезона, почему в небольших магазинах часто нет сдачи с крупной купюры.

Павел признался, что терпеть не может укладывать чемодан. Вера призналась, что всегда берёт больше носков, чем нужно. Ещё он признался, что после развода несколько лет покупал слишком много еды — привычка готовить на двоих оставалась, хотя дома давно жил один.

— И как справились? — спросила Вера.

— Поставил в холодильнике небольшие контейнеры. Это не лечение одиночества, но хоть продукты перестал выбрасывать.

Вера представила взрослого мужчину, который вечером моет одинаковые пластиковые коробочки. История совсем не походила на те, которыми пытаются понравиться. И ей снова захотелось узнать о нём побольше.

Следующий автобус пришёл почти вовремя. Они сели у окна; водитель долго не мог закрыть заднюю дверь, кому-то помогали поднять детскую коляску. Павел встал и придержал тяжёлую створку, пока женщина устраивалась. Когда вернулся, его место занял мальчик лет десяти с огромным рюкзаком. Павел остался стоять, придерживаясь за поручень. Вера спросила, не хочет ли он поменяться с ней. Он отказался, но не из вежливого героизма: сказал, что после пирожка полезно постоять.

В Кудепсте их встретила маленькая площадь, магазин хозяйственных товаров и запах жареной рыбы из кафе, которое со стороны выглядело закрытым. До старых открыток дошли не сразу. На дороге велись работы: один тротуар был огорожен, пришлось обходить через двор. Мимо окна первого этажа они увидели пожилого мужчину, который красил деревянную полку белой краской. Мужчина помахал кистью в знак приветствия, и Вера машинально помахала в ответ.

— Вы всех здесь знаете? — спросил Павел.

— Нет. Просто у нас в Пристани принято здороваться, если человек посмотрел на тебя из окна.

— Отличный обычай. Можно внедрить у меня в магазине.

— Только если у вас из окна смотрят люди, а не книжки.

Точка, ради которой они приехали, оказалась не книжной лавкой, а небольшим магазином с копировальными услугами, канцтоварами и двумя стеллажами подержанных изданий. За кассой сидела молодая девушка с длинной косой. На стене висела фотография старого пирса, а возле принтера громоздились пакеты с ламинированными меню.

— Открытки? — переспросила девушка. — Были. Дедушка сюда приносил. Сейчас не знаю. Вы у мамы спросите, она после двух приходит.

Было без двадцати два.

Павел посмотрел на часы и тихо выругался. Вера услышала, хотя он явно не хотел, чтобы она услышала.

— Если вы рассчитывали на сокровища старого курорта, — сказал он, — у нас пока только папки на завязках и бумага для принтера.

— Я люблю хорошие папки, — ответила Вера. — Но сорок минут ждать не хочу.

Он кивнул, принял её решение сразу. Вера посмотрела на полки. Там стояли потрёпанные школьные атласы, старые сборники рецептов, роман с оторванной обложкой и детская книга о морских обитателях. Внизу лежал стопкой современный любовный роман — шесть одинаковых экземпляров, часть явно нераспроданного тиража.

— Их кто-то купит? — спросила она.

— Возможно, — сказал Павел. — Только видите, как стоят? Корешки не разглядеть. Продавец не обязан любить каждую книгу, но покупателю надо хотя бы понять, что это за вещь.

Он уже собирался потянуться к стопке, но Вера слегка придержала его за рукав.

— Павел, это не ваш магазин.

— Знаю.

— По лицу не скажешь.

Он посмотрел на неё с виноватым весельем.

— Привычка. Вчера возле газетного киоска я тоже мысленно переставил половину товара. Продавщица меня бы выгнала, если бы услышала.

Девушка за кассой неожиданно подняла голову:

— Я слышу. Можете посоветовать, если не бесплатно на весь день.

Павел смутился. Вера прикусила губу, стараясь не рассмеяться. Разговор закончился тем, что девушка показала им коробку недорогих открыток с современными видами побережья. Старых не было. Павел купил две новые, Вера — одну маленькую тетрадь в клетку. До выхода они ещё раз взглянули на стену с фотографией пирса.

— А его давно разобрали? — спросил Павел.

— Не знаю, — ответила девушка. — Это бабушка повесила. Тут раньше другая улица была. Или это вообще Лазаревское. Спросите у мамы.

На улице Павел произнёс:

— Мы могли бы дождаться её матери.

— Могли. Но почему должны?

Он ответил не сразу.

— Я хотел, чтобы вам понравилась поездка.

— Мне нравится. Просто не то, что вы обещали.

Павел остановился. Вера чуть не столкнулась с ним.

— Я думал, вам нужны именно старые открытки. Зря привёз.

— Да нет, поездка мне понравилась. Только не нужно сейчас объявлять её неудачной.

Они пошли к морю. Между домами открывался кусок береговой линии, шумела дорога, в тени забора сушились рыбацкие сети. На одном балконе стояли горшки с зеленью, и женщина поливала их из пластиковой бутылки. Вера слышала, как Павел рядом дышит чуть чаще после подъёма, как шуршат его подошвы по мелкому гравию. Раньше подобные звуки растворялись в общей суматохе чужого присутствия. Теперь ей нравилось слышать их.

Обед нашли не по рекомендации Марины Сергеевны: просто увидели за столиками людей, которые не торопились уходить. Вера заказала уху, Павел — рис с овощами и рыбу. Официантка переспросила, нет ли у него аллергии на специи, он растерялся и уверенно ответил, что нет, после чего обернулся к Вере.

— Вы мне напомните, что я могу ошибаться?

— Только в вопросах расписания автобусов.

Ему подали рыбу с таким количеством зелени, что некоторое время он искал саму рыбу. Вера смеялась, пока он аккуратно разбирал блюдо вилкой. Потом она рассказала, как однажды на рабочем банкете сумела пролить минеральную воду на единственный экземпляр согласованного протокола и полвечера сушила листы под феном в туалете гостиницы.

— И спасли? — спросил Павел.

— Текст — да. Репутацию — не уверена. У главного инженера до сих пор при виде меня руки тянутся убрать стакан подальше от бумаг.

Они задержались за столом гораздо дольше, чем предполагали. К берегу почти не выходили: рядом гремели ремонтные работы и спуск был неудобный. Вера почти не доставала телефон. Снимков бухты не будет; зато в сумке лежала тонкая тетрадь из маленького магазина, а когда они пошли обратно к остановке, она вспомнила, что так и не сняла ни одного кадра.

На обратном пути Павел спросил:

— А если завтра я приглашу вас на что-нибудь совсем простое? Не открытки. Просто прогуляться вечером.

— Завтра у Аси собеседование. Я хотела бы вечером с ней созвониться.

— Конечно. Тогда после звонка или в другой день.

— Ася взрослая. Она, скорее всего, и сама мне позвонит. Просто я буду ждать.

— Понимаю.

Вера чуть помедлила.

— Мы можем встретиться днём, если хотите.

— Хочу.

На этих словах Павел не улыбнулся. В автобус втаскивали большой плетёный мешок. Когда толпа качнулась, Павел протянул Вере ладонь. Она взялась за неё — крепко, не из вежливости. Он пропустил мешок мимо и отпустил её руку, только когда в проходе стало свободнее. На запястье осталась тёплая полоска от его ладони, хотя автобус уже тронулся.

Его пальцы уже убрались, а на запястье Веры ещё держалось тепло.

Вечером у «Марины» Ирина и Светлана играли с хозяйкой в лото. На столе лежала целая горсть фасолин, которыми закрывали цифры. Ирина проигрывала с таким достоинством, что требовала проверить мешочек с бочонками.

— Ну как открытки? — спросила Света, не отрываясь от карточки.

— Не нашли. Вернее, нашли новые.

— И всё?

— Ещё обедали. Опоздали на автобус, потом на месте перепутали магазин с канцелярским отделом. И вернулись.

— Это называется хороший отпуск, — сказала Марина Сергеевна. — Когда нечего отчитываться.

Вера поднялась в комнату. На столе лежала тетрадь, купленная в Кудепсте. Она раскрыла её: чистые клетки, ни одной строки, никаких дат. Взяла ручку, некоторое время держала над бумагой, потом записала всего три слова: «Мне было хорошо».

Больше ничего добавлять не захотелось.

Глава 7. Ни слова о вечности

В четверг Вера проснулась раньше будильника, хотя будильник на время отпуска отключила.

Семь двадцать. В Калуге ещё прохладное утро, Ася, наверное, пьёт кофе, проверяет, заряжен ли телефон, и пытается решить, какую рубашку надеть на собеседование. Вера потянулась к своему телефону и открыла их переписку. Последнее сообщение дочери было вчерашним: фотография магазина, где Ася наконец нашла удобные ботинки, и подпись: «Только не говори, что подошва тонкая. Я уже три километра в них прошла».

Вера напечатала: «Удачи сегодня. Всё получится». Посмотрела на вторую половину фразы. Никаких оснований обещать, что всё получится, у неё не было. Она стёрла её и оставила: «Пусть встреча пройдёт спокойно. Позвони, когда захочешь».

Долго не отправляла. Потом нажала на стрелку и положила телефон на тумбочку.

За окном щёлкали ветки магнолии. В переулке кто-то завёл старый мопед, заглушил и завёл снова. Вера встала, распахнула ставни и увидела на крыше соседнего дома кошку. Та сидела у трубы и с явным неодобрением смотрела вниз, где двое мужчин поднимали из машины тяжёлый холодильник.

Утро было тёплым, но пасмурным. Свет лежал на домах ровно, без резких теней. Вера решила сходить за хлебом одна — без общего плана и без обещания кому-нибудь составить компанию.

В булочной за углом продавали лепёшки с сыром. Молодой пекарь за прилавком объяснял покупательнице, почему вчерашний хлеб нельзя снова назвать сегодняшним, даже если его подогреть. Вера купила половину батона, две лепёшки и маленькую булочку с корицей, предназначенную только ей. На обратном пути остановилась у киоска с цветами. Там стояли железные вёдра с поздними астрами, хризантемами и ветками эвкалипта. Она взяла три белые хризантемы для общего стола.

Марина Сергеевна приняла цветы без церемоний.

— В банку поставим, — сказала она. — Ваза у меня на втором этаже, а банка из-под компота уже свободная.

— Может, я принесу вазу?

— Не надо. Цветы от посуды красивее не станут.

Светлана вышла на террасу с мокрыми волосами. Она заметила пакет с выпечкой и немедленно объявила, что все посетители гостевого дома теперь должны подходить к Вере с тарелками.

Ирина отозвалась из кухни:

— Я уже подхожу!

Позавтракали вчетвером, вместе с хозяйкой. Она рассказывала, как осенью приходится просушивать матрасы после гостей, которые в любую погоду оставляют окна открытыми, а Светлана слушала с практическим интересом бухгалтера, видящего за любой привычкой строчку расходов.

— У нас в фирме тоже хотят, чтобы люди экономили, — сказала она. — Только когда я предлагаю перестать покупать то, что никому не нужно, это называют пессимизмом.

— А что покупают? — спросила Марина Сергеевна.

— Пятый кулер для офиса. Старые стоят без дела, а новый кто-то очень убедительно защитил в бюджете.

— Значит, воды любят больше, чем людей, — заключила хозяйка.

За смехом Вера не сразу услышала, как завибрировал её телефон. На экране появилась Ася: «Доехала. Их офис на втором этаже, лифта нет. Зато у окна растёт огромное дерево. Всё, пошла».

Вера ответила одним словом: «Хорошо».

Ирина посмотрела на неё и сменила тему. Вера была благодарна: подруге редко удавалось удержаться от вопросов, когда она замечала чужое смятение.

После завтрака Вера встретилась с Павлом на набережной. Он стоял у невысокого ограждения и пытался снять с разбухшей от дождя доски объявлений бумажную афишу, которую наполовину отклеил ветер.

— Вы её спасаете? — спросила она.

— Нет. Хочу понять, о чём написано. На половине страницы обещают концерт, на другой — ремонт водопровода. Видимо, программа насыщенная.

Он отпустил уголок, афиша снова прилипла к доске.

— Как собеседование у дочери? — спросил он, когда они пошли вдоль берега.

— Ещё идёт. Не знаю, как удержаться и не написать ей через полчаса.

— А вы будете писать?

— Нет.

— Значит, уже удерживаетесь.

Вера посмотрела на него искоса.

— Вы всегда отвечаете так, чтобы человек сам решил, что с ним всё в порядке?

— Не всегда. Вчера, например, женщина в магазине попросила помочь выбрать книгу для внука. Я уточнил, что он читает. Она сказала: «Телефон». Я не нашёлся что ответить.

— Надо было спросить, что именно в телефоне.

— Вот. А я стоял и делал умное лицо. Надо было вас позвать.

У парапета чайка стащила у мужчины бумажный пакет с остатками булки. Мужчина схватился за пакет, чайка за другой край; бумага разошлась, и оба остались ни с чем. Павел сказал, что если подавать жалобу, то на качество упаковки, а Вера потребовала сначала установить виновного. Они ещё долго спорили, кому в этом деле принадлежало право на булку. По дорожке на роликах проехала девочка лет девяти, следом бежал отец с её курткой. Девочка кричала, что ей жарко, отец кричал, что потом будет холодно. Вера знала оба голоса до интонации.

— Я у Аси всё время спрашивала, как она добралась, что ела, не промочила ли ноги, — сказала она. — Когда ей было пятнадцать, она придумала отвечать на все вопросы одним сообщением: «Жива, сыта, ноги сухие». Я считала, что это хамство.

— А теперь?

— Теперь иногда хочется попросить её снова присылать такое. Только она давно не пятнадцатилетняя.

Павел молчал, пока они обходили человека, ремонтировавшего колесо детской коляски. Потом сказал:

— Моя Настя, когда поступила учиться, перестала звонить по воскресеньям. Раньше у нас был ритуал: она рассказывала, что прочла за неделю, а я изображал, что понимаю её университетские дела. Я злился. Думал, кому-то другому она всё рассказывает.

— И кому?

— Наверное, многим. Подругам, однокурсникам. Это же нормально. Но я некоторое время принимал её отдельную жизнь на свой счёт.

Вера удивилась, как легко он это признал. Павел не выглядел человеком, готовым постоянно заниматься саморазоблачением. Он потеребил крышку бутылки, пока подбирал слова.

Они дошли до маленькой площадки за старым санаторным ограждением, где между соснами виднелся спуск к воде. По деревянным ступеням можно было выйти на узкую полосу

гальки. Вера осторожно попробовала первую ступеньку: доска пружинила, но держалась. Павел не потянулся помогать. Шёл следом и тоже проверял, куда ставит ногу.

На пляже почти никого не было. Вода набегала на камни с ровным шуршанием, из-за облаков временами показывалось солнце. На дальней части берега лежала перевёрнутая лодка. Рядом сушились две длинные доски; кто-то придавил их камнем, чтобы не унесло ветром.

Вера села на большую гладкую гальку, убрала из-под себя край платья. Павел устроился рядом, но чуть дальше, на сухом камне. Он достал из рюкзака маленькую бутылку воды.

— Хотите?

— Спасибо. Вы в отпуске носите воду с собой?

— Старая привычка. Когда у Насти были школьные экскурсии, я всегда оказывался единственным родителем, который взял лишнюю бутылку. Зато забывал салфетки.

— У нас с Игорем было наоборот. Я помнила про воду и салфетки, а он — что детям иногда нужно просто побегать.

Вера произнесла имя Игоря и удивилась, что Павел не отвёл взгляд.

— Вы давно развелись? — спросил Павел.

— Шесть лет. А вы?

— Семь.

Она посмотрела на него. Он не отвёл взгляда, но и не попытался превратить совпадение в шутку.

— Я думала, после развода будет легче, — сказала Вера. — Во всяком случае, сначала было. Не надо было по вечерам выяснять, кто забыл оплатить интернет, почему продукты опять куплены не те, как мы проведём выходные. Я думала: вот теперь никто не помешает мне жить нормально.

— И помешал?

— Нет. В этом и странность. Никто не мешал. А я ещё года два продолжала мысленно с ним спорить. Игорь никогда не был плохим человеком. Он умеет делать хорошие вещи руками, в том числе нашу кухню сам собрал. Если у Аси ломался велосипед, через час всё работало. Когда мама попала в больницу, он ездил к ней по утрам с передачами, хотя они не очень ладили. Просто ему нравилось, чтобы дома было удобно. А мне нравилось, чтобы никто не ошибался. Мы устроили из этого систему.

Она нагнулась, подняла плоский серый камешек и стала перекладывать его из ладони в ладонь.

— Он ждал, что я скажу, куда идти и что покупать. Я злилась, что приходится говорить. Когда однажды сказала: «Решай сам», он выбрал не то. Я переделала. Потом удивлялась, почему он ни за что не берётся.

— Он ведь мог возразить, — заметил Павел.

— Мог. И иногда возражал. Но после сорока мы оба научились обходить всё, из-за чего раньше спорили. Получилось тихо. Настолько тихо, что однажды я поняла: мы неделю разговариваем только об Асе и бытовых платежах.

Вера бросила камешек в воду. Он упал совсем близко, подняв маленький брызг. Она всегда плохо умела бросать плоские камни.

— И кто предложил разойтись?

— Я. Долго собиралась, потом за одним ужином сказала. Он спросил, уверена ли я. Я ответила, что да. Через месяц мы уже говорили о разделе имущества. Ни одной разбитой тарелки. Мне тогда казалось, что мы справились образцово.

— А теперь не кажется?

— С разделом имущества справились. С тем, чтобы прожить это, — не очень. Я, например, совсем не ожидала скучать по тому, как Игорь поёт себе под нос, когда чинит что-нибудь. Он пел ужасно. Вечно две ноты вместо мелодии. Но дома стало слишком тихо.

Павел провёл ладонью по колену, стряхнул прилипший песок.

— После нашего развода Настя спросила, почему я ни разу не попросил её мать остаться, — сказал он. — Я ответил, что человек взрослый и имеет право уйти. Очень гордился тем, какой у меня уважительный ответ. А она сказала: «Пап, может, мама хотя бы хотела услышать, что тебе не всё равно?»

Вера повернулась к нему.

— Вы не говорили?

— Говорил. Но, наверное, не тогда, когда это имело значение. Я открыл магазин, когда у нас ещё всё было вместе. Долго рассказывал жене, что сейчас трудный период, зато потом станет легче. После первого года начался второй. После второго — третий. Она нашла работу, на которой не нужно было ждать моего хорошего сезона, а я даже не заметил, как перестал спрашивать, что происходит у неё.

Он посмотрел в сторону лодки, где на борту проступала старая синяя краска.

— Это не история о том, что книжки разрушили семью. Так было бы слишком просто. Можно и без магазина быть невнимательным. А я был.

— Вы до сих пор общаетесь?

— По делу. В основном когда речь о Насте, хотя она давно обходится без посредников. На праздники иногда пишем друг другу. Злости уже нет. Чего-то другого тоже не появилось.

Он сказал это без ностальгии, но Вера услышала усталость, которую не замечала прежде. Вчера Павел шутил о книгах и пропущенном автобусе. Сегодня сидел рядом с ней и признавал то, что не удалось исправить ни добротой, ни аккуратным разводом.

У него зазвонил телефон. На экране мелькнуло имя Риты. Павел вздохнул.

— Простите. Мне нужно ответить.

Вера кивнула и отвернулась к морю. Он разговаривал недолго. Уточнил номер заказа, попросил прислать фотографию накладной и сказал, что решение примут вечером, когда будет ясно, чья именно ошибка. После разговора убрал телефон.

— Опять работа, — произнёс он.

— Я слышала.

— Не нравится?

Вера хотела сказать: «Меня не касается». Но это было неправдой. После рассказа о его браке ей стало неспокойно: вот он снова сидит рядом с женщиной, а магазин уже тянет его в другую сторону. Наверное, Павел прочитал это беспокойство на её лице.

— Я же не могу выключить лавку на неделю, — сказал он. — Рита там одна большую часть дня. Мне надо отвечать за то, за что отвечаю я.

— Я не прошу выключать. И вообще ничего не прошу.

— Вот это как раз слышно.

Он заговорил резко. Вера вздрогнула: таким голосом Павел с ней ещё не разговаривал.

— Я не имела в виду... — начала она и остановилась. — Нет. Имела. Я подумала, что вы рассказывали о том, как перестали слышать жену, а потом сразу отвечаете на звонок.

— Рита звонит не потому, что ей скучно. У нас на складе реальная проблема. Если не решить её сегодня, завтра покупатель не получит оплаченный заказ. Я могу быть внимательным к человеку рядом и при этом отвечать на работу. Но если вы хотите, чтобы я отгадал, когда именно это вас задевает, я не угадаю.

Вера медленно выдохнула. Возражение было справедливым и оттого неприятным.

— Вы правы. Я должна была спросить, можно ли вам перезвонить позже, если мне нужен этот разговор. А я решила за вас, что вы опять выбираете работу.

— И я мог объяснить, что это две минуты. А не сказать «мне нужно» так, будто вы обязаны понять.

Они помолчали. Вера смотрела, как по воде проходит длинная тёмная полоса от облака. Потом вдруг рассмеялась.

— Какое прекрасное свидание. Мы сидим на камнях и обсуждаем обязанности сторон.

Павел с облегчением улыбнулся.

— Я мог бы принести вам цветы. Но, боюсь, вы потребовали бы накладную.

— Не потребовала бы. Только спросила бы, где вы их взяли.

— Видите, я уже вас немного знаю.

Его телефон больше не звонил. Они просидели ещё долго. Павел рассказывал про Настины любимые книги, Вера — про Асину детскую привычку собирать в коробке красивые пуговицы, которые ей никто не давал пришивать. К половине четвёртого Вера вспомнила о собеседовании и посмотрела на экран. Сообщений не было.

— Пойдёмте наверх? — предложила она.

— Конечно.

В узком проходе у лестницы тянуло сырой древесной корой. Поднимаясь, Вера держалась за перила; Павел шёл рядом, не навязывая руку. На площадке им пришлось остановиться: сверху спускалась пожилая пара с собакой, которая решительно считала лестницу своей личной территорией. Собака обнюхала Верины туфли, владельцы извинились и прошли дальше.

— Я бы не хотел заканчивать наш отпуск в субботу, — сказал Павел, когда они снова остались одни.

Вера повернулась к нему. Слова были простыми, но в них уже было то, от чего она обычно защищалась: неизвестное продолжение.

— Он всё равно закончится, — ответила она.

— Знаю. Я не про билеты.

Ей хотелось спросить, что именно он предлагает. Вместо этого она прислонилась плечом к тёплой стене и посмотрела на него. Павел стоял совсем близко. У него на щеке остался маленький след от солнца, краснее остальной кожи.

— Тогда пока не будем про субботу, — сказала Вера.

Он кивнул. Потом спросил, совсем тихо:

— Можно вас поцеловать?

— Можно.

Поцелуй получился неловким: край её волос попал между ними, Павел отстранился, чтобы убрать прядь, и оба неожиданно рассмеялись. Он поцеловал её снова — уже спокойно, без торопливого желания сделать что-нибудь правильно. От стены ещё шло дневное тепло. Где-то снизу звякнула собачья цепочка, и с берега донёсся стук перевёрнутых камней.

На обратном пути Вера не взяла его под руку. Дорога была узкой, после вчерашнего дождя вдоль обочины лежала галька; иногда они сталкивались локтями. Павел один раз придержал её за рукав у скользкой плиты. Дальше шли молча, слушая, как за забором кто-то напрасно заводит мопед.

Ася позвонила в пять с минутами. Вера как раз сидела на террасе гостевого дома и чистила мандарин, на этот раз вполне сладкий.

— Ну что? — спросила она и тут же поправилась: — Если хочешь рассказывать.

— Хочу. Только без совета, пока не закончу.

Собеседование длилось почти полтора часа. Асе понравился руководитель, не понравилась неопределённость с испытательным сроком, а одна из задач оказалась интереснее, чем она ожидала. Ей обещали ответить на следующей неделе. Ни соглашения о зарплате, ни приглашения переезжать не было.

— Я не знаю, возьмут ли меня, — сказала Ася. — И ещё не знаю, хочу ли я туда, если возьмут. Это ненормально?

Вера уже приготовила три уточняющих вопроса. Один касался письменного предложения, другой — обязанностей на испытательном сроке, третий — расстояния до жилья. Она могла бы начать прямо сейчас, не оставив дочери возможности перевести дыхание.

— Вполне нормально, — ответила она. — Ты ведь ещё выбираешь.

— Мам, ты сегодня какая-то другая.

— Сегодня я у моря. Это временно.

Ася засмеялась.

— Ладно. Завтра поговорим? У меня уже болит голова от чужих вопросов.

— Конечно. Поешь сначала.

— А вот это уже ты.

После звонка Вера долго сидела, глядя на белые хризантемы в банке из-под компота. Их нижние листья почти касались воды. Она оставила букет как есть. На телефон пришло сообщение от Павла: «Рита разобралась с заказом. Клиент получит книгу вовремя. Спасибо за прогулку».

Вера написала: «На обратном пути вы так и не рассказали, чем закончилась история с чайкой». Ответ пришёл через минуту: «Похоже, чайка до сих пор считает себя правой».

«Да, чайка права. Хотя целоваться было приятнее», — пришло через минуту.

Она прочитала это дважды, прежде чем погасить экран.

Глава 8. Почти семейный ужин

К ужину с Павлом Ирина готовилась с утра, хотя упорно называла приглашение счастливым совпадением.

Сначала она объявила, что к вечеру надо выбрать приличное место с рыбой. Потом вспомнила, что Павел, по словам Веры, интересовался местной кухней. Наконец отложила телефон и спросила:

— А если мы его позовём? Ну хотя бы чтобы не сидел один.

— Он взрослый мужчина, — сказала Вера. — Сумеет поужинать самостоятельно.

— Да я не сомневаюсь в его моторике. Я предлагаю составить ему компанию.

Светлана сидела на кровати, пытаясь распутать тонкую цепочку. На ночь она по неосторожности оставила её в косметичке вместе с заколками, и теперь из цепочки получился узел, достойный отдельного судебного разбирательства.

— Вера, если хочешь, позови, — сказала она, не поднимая головы. — Если нет, мы и втроём найдём, о чём поговорить. Только давайте не будем объявлять это знакомством с родственниками.

— Спасибо, Света.

— А я что? — возмутилась Ирина. — Я тоже про родственников не говорила. Я сказала: поесть рыбу.

Вера вышла на балкон и набрала Павлу. От разговора на пляже прошло всего несколько часов; он ответил со второго гудка, чуть запыхавшись.

— Вы не заняты? — спросила она.

— Только что поднимался по лестнице. У меня здесь удивительный подъём: где ни остановись, всё равно вверх.

— Мы собираемся ужинать у моря. Ирина предлагает позвать вас. Но вы не обязаны соглашаться.

— Я хотел бы прийти. Только у меня честный вопрос: это будет ужин трёх подруг, к которому присоединяется ещё один человек, или меня ждёт проверка на пригодность?

Вера оглянулась. Ирина из комнаты усиленно делала вид, что её не интересует разговор, но даже цепочка в руках Светланы уже перестала шуршать.

— Они будут вас расспрашивать, — призналась Вера. — Ирина за три минуты узнает, кого вы не любили в первом классе. Я предупредила. Даже людей в очереди за хлебом.

— Ладно, отвечу. Но потом у меня будет один вопрос к вам. Без подруг.

— Какой?

— Пока не знаю. Нужно же сохранить интригу.

К семи они встретились у маленького ресторана под открытым навесом. Со стороны дороги он выглядел скромно: три столика у стены, прозрачная шторка от ветра, светящиеся гирлянды, которые днём были бы не к месту. Но за навесом открывался узкий проход к морю, и оттуда доносился мерный шум воды. В углу кто-то негромко перебирал струны гитары, проверяя звук перед выступлением. Пахло углём, печёными овощами и нагретыми дождём досками.

Ирина явилась в серьгах с крупными зелёными камнями, которые купила днём и ещё не успела снять с них ценник. Светлана молча потянулась к уху подруги и аккуратно отстегнула бумажку.

— Ты могла сказать, — возмутилась Ирина.

— Могла. Но так быстрее.

Павел опоздал на семь минут. Появился с небольшим бумажным пакетом, неловко остановился на входе и поискал их глазами. На нём была чистая тёмная рубашка, волосы ещё оставались влажными после душа.

— Извините, я неправильно запомнил поворот. В результате узнал, что в соседнем квартале есть совершенно бесполезная для меня мастерская по ремонту электросамокатов.

— Садитесь, — сказала Светлана. — У нас тут уже спор, какое вино брать. Если вмешаетесь, сможете взять ответственность на себя.

Павел посмотрел на меню.

— Я в вине не разбираюсь. Но могу взять ответственность за хлеб.

Ирина громко рассмеялась, а Вера вдруг ощутила облегчение. Он оказался безупречно неподготовленным к шумному столу: начал представляться второй раз, задел стул Светланы и с раздражением заметил, что у стула одна ножка короче. Ирина тут же подложила под неё сложенную салфетку.

Заказ делали долго. Ирина советовала всем рыбу, которую сама ещё не пробовала. Светлана выясняла, входят ли овощи в гарнир или оплачиваются отдельно. Павел спрашивал, как готовят барабульку; официантка ответила, что сегодня её нет, хотя в меню она стояла на первой странице. Вера выбрала запечённые баклажаны и уху. Потом оказалось, что уха закончилась.

— Я сейчас закажу что-нибудь ещё, — предложил Павел.

— Не нужно за меня выбирать, — автоматически сказала Вера.

Он откинулся на спинку стула.

— Я и не собирался. Хотел спросить, что вы возьмёте вместо ухи.

— А, — сказала она и почувствовала, как нагреваются уши. — Тогда овощной суп.

Светлана спрятала улыбку за стаканом воды. Ирина, к счастью, была занята официанткой и ничего не заметила.

Когда принесли хлеб и первые блюда, разговор пошёл легче. Ирина рассказала, что держит небольшую туристическую практику и чаще всего занимается людьми, которые точно знают, куда хотят поехать, но не могут объяснить зачем. Павел заметил, что в книжном магазине примерно те же клиенты: некоторые требуют книгу, которая «что-нибудь поменяет», а когда спрашиваешь, что им не нравится в нынешней жизни, сразу пугаются.

— Вот это вы напрасно делаете, — сказала Светлана. — Человек пришёл за книжкой, а вы к нему с вопросом о смысле жизни.

— Согласен. Я научился сначала спрашивать про жанр.

— А если человек не знает жанра? — подхватила Ирина.

— Тогда, как правило, покупает открытку. Или ничего. Мне и такие покупатели нравятся, пока не говорят: «У вас же всё равно тут никто ничего не покупает».

— Говорят? — удивилась Вера.

— Периодически. Считают, что владельцу маленького магазина полезно услышать диагноз от прохожего.

Светлана медленно покачала головой.

— Люди обожают объяснять работающему человеку, почему его работа бессмысленна. Особенно если при этом можно ничего не покупать.

— Света, ты сейчас про свой отдел? — спросила Ирина.

— Про весь человеческий род. Он обширен.

Павел не стал искать остроумный ответ. Послушал и спросил Светлану, как давно она работает бухгалтером. Через десять минут оказалось, что у её оптовой фирмы два склада, один новый, второй с таким плохим отоплением, что зимой люди носят шерстяные носки поверх обычных. Павел слушал серьёзно и даже попросил объяснить, как они учитывают испорченный товар.

— Поставщик говорит, что коробку повредили у нас, — сказала Светлана и передвинула солонку через стол. — А мы получали её уже мокрой. Кто оплачивает?

— Я бы в акте написал, что коробка мокрая, — сказал Павел.

— После получения поздно. Сначала водитель должен расписаться.

— Рита мне об этом говорила, — признал он. — Я тогда спорил с ней минут двадцать.

Светлана впервые за вечер улыбнулась Павлу без оглядки на Веру и потянулась за ручкой, чтобы показать форму акта. Ирина отобрала у неё солонку.

Ирина тоже не собиралась уступать главную роль. Она рассказала историю о женщине, которая требовала гостиницу «с атмосферой юга», но при этом без комаров, влажности и детей. Павел спросил, удалось ли найти. Ирина сказала, что предложила ей хороший отель с окнами на парковку и прекрасной системой кондиционирования.

— Клиентка осталась довольна, — добавила она. — Пока не узнала, что у парковки тоже могут ходить люди.

Вера засмеялась, едва не пролив воду. В этот момент Павел повернулся к ней и задержал взгляд так, что стало трудно продолжать смеяться. Ирина это заметила. На секунду все трое замолчали, каждый по своей причине.

— Значит, так, — объявила Ирина. — Я предлагаю десерт.

— Наконец-то разумная идея, — сказала Светлана.

Официантка принесла маленькие стаканчики с кофейным кремом и кусочки орехового пирога. Вера выбрала пирог. Павел попробовал крем и поморщился: оказалось, в нём слишком много сладкого сиропа.

— Вы же книги продаёте, — сказала Ирина. — Наверное, умеете предсказывать, что людям понравится.

— Очень плохо умею. У меня всякий раз есть любимая книга, которую не покупает никто, и книга, которую я не хотел выставлять на видное место, но она уходит за неделю.

— А вашей любимой какая?

Павел назвал автора, которого Вера знала лишь по школьным цитатам. Ирина немедленно сказала, что читала, хотя Вера отлично помнила, как подруга однажды перепутала две книги этого автора. Павел ничего не заметил или сделал вид, что не заметил.

— Ну и как вам? — спросил он.

— Я тогда была очень молода, — осторожно ответила Ирина. — Мне нравилось всё, где люди много спорят и в конце всё-таки женятся.

— В этой книге они не женятся, — заметил Павел.

— Вот потому она мне и запомнилась.

Светлана так громко рассмеялась, что за соседним столиком обернулись.

Но ближе к концу вечера телефон у неё зазвонил. На экране высветилось имя мужа. Светлана ответила, отвернувшись к стене, и сразу стала говорить тише. Вера услышала только несколько слов: «В субботу ещё не буду дома» и «Ты со мной это не обсуждал».

Когда подруга положила трубку, лицо у неё стало другим — собранным, непроницаемым. Ирина спросила, всё ли в порядке.

— Дома решили, что на выходных у нас поживёт сестра мужа с детьми, — сказала Светлана. — Пока меня нет. Я узнала первой из тех, кто не принимал решения.

— У неё что-то случилось? — спросила Вера.

— Ничего страшного. Собираются в город по делам, хотят не платить за гостиницу. Я не против помочь. Я против того, чтобы меня ставили перед фактом, а потом спрашивали, какую постель приготовить.

Ирина сразу предложила написать мужу сообщение, которое было бы невозможно понять двояко. Светлана покачала головой.

— Я уже сказала, что сегодня ничего не организую. Вернусь и поговорю. Если они приедут раньше, взрослые люди сами найдут бельё.

Она снова взяла ложечку и стала доедать десерт. Павел не вмешался. Светлана сжимала ложечку так, что побелели пальцы. Потом отложила её, не доев десерт.

Ирина попыталась вернуть разговор к отпуску. Спросила Павла, почему он приехал один. Он рассказал, что впервые за несколько лет смог оставить магазин на несколько дней без постоянного присутствия, а у дочери давно своя жизнь. Про развод сказал просто, без подробностей. Потом спросил, давно ли подруги знают друг друга.

— С университета, — ответила Ирина. — Вера тогда вечно спасала нас от неприятностей. Если кто-нибудь забывал зачётку, она знала, к кому идти. Если общежитие хотели закрыть раньше времени, Вера находила нужный приказ.

— Я однажды сама забыла зачётку, — возразила Вера.

— Да. И целую неделю ходила с ужасом на лице, будто совершила подлог.

— Потому что её потом нашли у тебя в сумке.

Ирина развела руками.

— Вот видите, Павел. За столько лет она мне так и не простила это нарушение порядка.

— Неправда, — сказала Вера. — Я тебе не простила только то, что ты утверждала, будто зачётка сама захотела поехать к тебе домой.

Павел расхохотался. Ирина, довольная эффектом, вспомнила ещё одну историю из их студенческих лет. Вера попыталась её остановить, но, встретившись взглядом с Павлом, сама рассмеялась.

Когда принесли счёт, оказалось, что Ирина попросила разделить его на четыре части. Павел поблагодарил её, но поинтересовался, нельзя ли оставить за ним общий чайник чая, который заказали в начале вечера. Светлана посмотрела на чек и сказала, что чайник не стоит драки, если очень хочется, пусть оплачивает. Ирина немедленно предложила отметить это как первый успешный договор между ними.

На улице стало ветрено. Они вышли под свет фонарей; через дорогу шумело море, а из соседнего кафе доносилась музыка, в которой различались только басы и одна настойчивая труба. Светлана сказала, что ей надо пройтись. Ирина поднялась с ней, взяла сумочку и всё ещё сердилась на человека по ту сторону телефона. Вера осталась с Павлом у парапета.

— Кстати, я свой вопрос ещё не задал, — сказал Павел, когда Ирина со Светланой отошли. — Вера, ты хочешь встретиться со мной после отпуска? Не завтра и не послезавтра, когда мы оба здесь. Потом.

— Не знаю, как это устроить, — ответила она. — Но да, хочу.

Павел кивнул и только тогда спросил, что она думает о вечере.

— Ну как? — спросила она.

— Хорошо. Светлана мне понравилась. Ирина тоже, хотя я не всегда успевал отвечать на её вопросы.

— Они обе очень разные.

— Это заметно. А вы с ними тоже разная.

— Хуже?

— Смешнее. Я сегодня услышал, как вы в университете прятали чужие зачётки.

— Не я прятала!

— У меня сложилась совсем другая версия.

Она ткнула его локтем в плечо. Павел поймал её руку; их пальцы задержались вместе всего на секунду. Вера ещё чувствовала это прикосновение, когда они пошли дальше.

— А ты сегодня был немного сердитый, — сказала Вера и запнулась.

Павел посмотрел на неё с удивлением.

— Вы сейчас сказали «ты».

— Случайно.

— А можно не исправлять?

Вера вспомнила вчерашнюю лестницу, мокрую древесину перил, его серьёзное лицо после разговора о разводе. Странно было, что после поцелуя они продолжали обращаться друг

к другу как малознакомые коллеги на совещании. И столь же странно — что ей нравилась эта осторожность.

— Можно попробовать, — сказала она. — Только я буду путаться.

— Я тоже.

Он взял её за руку. У его пальцев была шершавая кожа, совсем не похожая на руки мужчины, который целыми днями продаёт книги. Вера спросила, почему так. Оказалось, в магазине он сам таскает коробки, а дома чинит старый стеллаж, который постоянно расшатывается. Она немедленно вспомнила Игоря и хотела рассказать про его мебельную мастерскую, но решила не превращать новый вечер в продолжение старого брака.

— Павел, — сказала она. — Спасибо, что пришёл.

— Спасибо, что позвала.

— Не смущают мои подруги?

— Смущают. Но это не страшно. Я, кажется, ещё не всё про них понял.

— Ты вообще мало что про нас знаешь.

— И ты про меня.

Слова могли прозвучать тревожно. Вера ждала следующей фразы, но Павел просто стоял рядом, глядя на воду. В далёком свете корабля на секунду мелькнули две точки. Он сжал её ладонь чуть крепче, и она ответила тем же.

У гостевого дома они простились без свидетелей: Ирина и Светлана задержались на прогулке, Марина Сергеевна уже выключила свет в общей комнате. Павел поцеловал Веру у калитки, неловко задел её серьгу, и они оба снова засмеялись.

— Завтра увидимся? — спросил он.

— Увидимся. Только днём я обещала Свете сходить на рынок.

— Тогда после рынка.

— Если будет хорошая погода.

— И если будет плохая, — сказал Павел. — Мы можем просто выпить чаю.

Вера оставила подробности до следующего разговора. Она открыла калитку, обернулась — он ещё стоял на дорожке и смотрел, как она входит.

На террасе оставили свет. Вера поднялась в комнату, сняла серьги и положила их возле зеркала. Дверь соседней комнаты была приоткрыта: Светлана уже вернулась и сидела на кровати, держа телефон двумя руками.

— Не спишь? — спросила Вера.

— Не могу. Муж прислал, что у них всё под контролем.

— Под контролем что?

— Этого он не уточнил.

Вера вошла, села рядом. Светлана положила телефон экраном вниз.

— Слушай, — сказала она после паузы. — А тебе как с ним?

— С Павлом? Хорошо.

— Я не про то, вежливый ли он. Тебе самой хорошо?

— Да. И странно. Я всё время думаю, что мы знакомы меньше недели, а у меня уже есть привычка ждать, когда он напишет.

Светлана помолчала.

— Знаешь, из-за чего мне неприятно сегодня? Не из-за его сестры. Сестра хорошая, дети тоже. Просто я двадцать лет живу в одном доме с человеком, который иногда принимает мои силы за часть обстановки. И я привыкла считать это мелочами.

— Это не мелочи, если ты злишься.

— Я знаю. Только не знаю, как разговаривать, чтобы он услышал, а не обиделся.

Вера привыкла помогать подруге готовыми фразами: сказать так-то, попросить вот это, в следующий раз сделать иначе. Сейчас она сидела рядом и не находила ни одной фразы, которая могла бы решить двадцать лет чужого брака за три минуты.

— Можешь начать с того, что сказала мне, — ответила она. — Не в переписке, а дома. И не обязательно сегодня решать, чем всё кончится.

Светлана кивнула. Потом взглянула на Веру с неожиданной усмешкой.

— Ты сама это придумала? Без памятки?

— С трудом.

— Тогда у нас обеих отпуск удался.

Из двора донёсся шум открывающейся калитки: Ирина возвращалась и пыталась тихо закрыть за собой металлический засов. Это у неё не получалось, и с каждым ударом она всё громче шептала что-то нелестное в адрес конструкции.

Светлана поднялась.

— Пойду спасу нашу туристическую фирму от калитки.

Вера осталась в комнате на минуту одна. На кровати лежало полотенце, которое Света не успела убрать, на тумбочке — упаковка пластырей, купленных в первый день. Впереди оставались пятница и дорога домой. Из соседней комнаты Ирина громко спросила, куда делся её зарядный провод. Светлана ответила, что это уже второй случай пропажи за день и пора составлять опись. Вера сняла с кресла оставленную Светой кофту, подхватила неразобранную сумку и пошла к подругам.

Глава 9. Снимок без фильтра

В пятницу море выглядело неприбранным.

Ночью поднялся ветер, и к утру на гальке лежали обрывки водорослей, перья, раздавленная коробочка из-под сока, прилипшая к гальке. Волны перекатывали тяжёлые камни с низким глухим стуком. По пляжу ходил мужчина в резиновых сапогах, собирал мусор в огромный мешок и временами останавливался, чтобы посмотреть на дальнюю линию берега.

Ирина утверждала, что в таком море самый красивый свет для фотографий. Светлана спросила, собирается ли она фотографировать мусорный мешок. Ирина ответила: «Если он окажется в правильном месте композиции, почему нет?»

Вера шла рядом с ними к рынку, куда накануне обещала сходить со Светланой. За ночь на улице стало прохладнее. Марина Сергеевна достала из кладовой несколько пледов для террасы и объявила, что после обеда будет дождь, потому что у неё разболелось колено. Прогноз показывал переменную облачность, но хозяйка сказала, что колено работает без интернета.

Рынок ещё жил летним изобилием. В ящиках лежали хурма, инжир, виноград, маленькие лимоны с листьями. Между прилавками пробирались люди с хозяйственными сумками, где-то в глубине торговали свежей зеленью. Из-за спины доносилось «попробуйте, сладкое», впереди кто-то спорил о весе дыни.

Светлана хотела купить чай для старшей сестры, которая любила всё травяное и считала чёрный чай проявлением городского тщеславия. Ирина искала небольшое блюдо для дома — обязательно ручной работы, обязательно дешёвое и желательно без необходимости везти его в ручной клади. Вера выбирала варенье в подарок Ольге Гуровой. Коллега прикрывала её работу всю неделю, хотя сама готовилась к непростому месяцу с ребёнком и накопившимися задачами.

— Ты опять привезёшь Ольге благодарность за то, что она работала вместо тебя? — спросила Светлана.

— Почему «вместо»? У неё свои обязанности. И я не вместо неё работаю, когда она берёт отпуск.

— Вот и правильно. Возьми что-нибудь вкусное, только не объявляй это возмещением морального ущерба.

Вера выбрала баночку инжирного варенья. Продавщица уверяла, что его варила её мама, а с соседней стороны прилавка мальчик лет четырнадцати пытался убедить другого покупателя, что оно полезно для сердца. Продавщица велела сыну не обещать лечебных свойств и завернула банку в газету.

— У нас тут нет медицинского учреждения, — добавила она для Веры. — Варенье просто хорошее.

— Тем лучше, — сказала Вера.

На обратном пути Светлана вдруг остановилась у магазина, где продавали чемоданы и сумки. В витрине висело маленькое кожаное портмоне с металлической застёжкой. Она долго смотрела на него, потом вошла, попросила показать и купила, даже не попробовав торговаться.

— Себе? — спросила Ирина.

— Себе. Надоело складывать карточки по разным карманам.

— У тебя же есть кошелёк.

— Есть. Старый. Сломанная молния, цвет, который мне никогда не нравился. И муж его однажды подарил, потому что продавец сказал, что это хороший выбор.

Ирина хотела что-то ответить, но Светлана застегнула портмоне и убрала покупку в сумку.

— Не надо делать из этого развод, пожалуйста. Я купила кошелёк, а не новую биографию.

Они рассмеялись. Светлана достала телефон, увидела имя мужа и быстро перевернула аппарат экраном к столу. Вера хотела спросить, что случилось, но не решилась при посторонних.

После обеда Ирина осталась в гостевом доме: Марина Сергеевна попросила помочь разобраться с ошибкой в календаре бронирования. Светлана решила пройтись одна, а Вера встретилась с Павлом у входа на набережную. Он пришёл без рюкзака, с книгой в кармане куртки и аккуратно зачёсанными волосами, которые ветер уже успел взъерошить.

— Я думала, вы, то есть ты, сегодня работаешь, — сказала она.

— До двух. Разговаривал с бухгалтером. Теперь могу представить себя свободным человеком ещё на несколько часов.

— Получилось?

— Пока не очень. Но я стараюсь.

Они пошли вдоль моря. На парапете сидела маленькая компания подростков с пластиковой колонкой; играла музыка, знакомая Вере по Асиной школьной жизни. Чуть дальше пожилые супруги пытались сфотографировать друг друга на фоне волн. Мужчина всё время оставался в тени, женщина предлагала ему шагнуть ближе к воде, он отказывался, потому что вода уже замочила ему брюки.

Вера смотрела на них и улыбалась. Когда Павел спросил, что её развеселило, она указала взглядом на эту пару.

— Они минут десять снимают одно и то же фото.

— А мы чем лучше? — сказал Павел. — Я вот купил телефон, потому что камера обещала снимать хорошо. В итоге у меня в галерее чеки, витрины, накладные и одна фотография Насти на выпускном, которую она сама мне переслала.

— Совсем ничего для себя не снимаешь?

— Иногда магазин после перестановки. Чтобы потом понять, куда исчезли покупатели.

— Это грустно.

— Это хозяйственно.

Вера достала свой телефон. На нём были десятки фотографий — море с балкона, айва Ирины, лист с автобусным расписанием, вывески, три варианта одного и того же заката. Её самой не было ни на одном снимке, кроме первого общего кадра в аэропорту, где она стояла на краю и выглядела настороженно.

— Сфотографируй меня, — попросила она.

Павел удивился, но телефон взял. Вера отошла к парапету, поправила волосы, машинально выпрямила спину и положила руку на перила. Павел поднял телефон.

— Подожди. Так ты сейчас похожа на женщину, которую собираются назначить председателем комиссии.

— А как надо?

— Не знаю. Может, ничего не надо. Просто постой.

Ветер бросил волосы ей на лицо. Она попыталась убрать пряди, не удержала и рассмеялась. Павел нажал на кнопку именно в этот момент.

— Готово.

Вера подошла посмотреть. На снимке она стояла в своём серо-голубом платье, с неровной причёской, головой чуть набок. Один глаз почти закрылся от смеха, на щеке появилась морщина, которую она обычно не замечала. Солнца не было. Море выглядело серым. Зато Вера прекрасно помнила, что именно заставило её засмеяться.

— Неудачный, — сказала она.

— Могу переснять.

Она ещё раз посмотрела на экран.

— Не надо. Оставь этот.

— Тогда отправь мне. У меня почти нет фотографий людей, которые смеются от того, что их пытаются сфотографировать.

Вера переслала снимок Павлу и убрала телефон. Но вскоре снова достала: пришло сообщение от Игоря.

«Как ты там? Уже обратный билет завтра? Если есть минутка, пришли фото моря. Ася говорила, у вас тепло. И про документы не забудь, когда вернёшься».

Она прочитала дважды. Игорь не требовал ничего невозможного. Фотографию моря можно отправить за секунду. Он был отцом её дочери, они много лет прожили вместе, и даже после развода иногда пересылали друг другу изображения из поездок: красивые места, блюда, на которые Ася наверняка посмеялась бы, забавные вывески. Не было ни запрета, ни серьёзной причины прекращать эту привычку.

Для Игоря она нашла в телефоне фотографию пустого пляжа, но отправлять не стала. Ни Павла, ни её самой в кадре не было. На такой снимок легко ответить: «Красиво», — и больше ни о чём не спрашивать.

— Что-то случилось? — спросил Павел.

— Нет. Бывший муж пишет. Просит фотографию моря.

— Пришли, если хочешь.

Вера посмотрела на него. Он не пытался узнать содержание сообщения и, кажется, не испытывал ревности к человеку, о котором почти ничего не знал. Вера и сама не поняла, зачем назвала отправителя.

— Раньше я почти всегда присылала, — сказала она. — Когда ещё были женаты. И потом тоже. Но сейчас мне не хочется.

— Тогда не присылай.

— Он может подумать, что я на что-то обиделась.

— Может. А может, занят и забудет. Этого мы с тобой не узнаем.

Вера спрятала телефон в сумку. Ветер поднимал с дорожки сухие листья, и один прилип к её обуви. Она стряхнула его носком.

— Знаешь, иногда очень трудно объяснить человеку, что ты не злишься, а просто живёшь отдельно от него.

— Наверное. Я своей бывшей жене одно время сообщал, когда меняю работу в магазине, будто она обязана быть в курсе. Она однажды спросила: «Зачем ты мне это рассказываешь?» И я не нашёл ответа.

— Обиделся?

— Конечно. Потом понял, что это был нормальный вопрос.

Они вышли на площадку, где раньше стояли два торговых павильона. Теперь там остались выцветшие прямоугольники на асфальте и железные крепления у стены. С соседней террасы тянуло запахом чеснока и жареной рыбы. Вера остановилась у ограждения. С моря двигалась низкая туча. В прогнозе всё ещё обещали переменную облачность, но Маринино колено явно знало больше.

— А ты скучаешь по своему магазину? — спросила Вера.

Павел посмотрел вдаль.

— По людям — немного. По кассовым отчётам не скучаю. По Ритиному выражению лица, когда я предлагаю новую перестановку, — очень.

— Почему?

— Потому что она умеет одним взглядом сообщить, сколько работы придётся сделать вместо меня.

— И ты всё равно предлагаешь?

— Иногда. Не обещал же, что я образец разумности.

Ей хотелось спросить, будет ли Павел скучать после субботы. Она уже открыла рот, но увидела, как Павел торопливо сверяется с временем на телефоне. Поняла, что ответ услышать ещё труднее, чем задать вопрос, и спросила вместо этого, не замёрз ли он. Павел предложил пройтись. Вера пожалела о собственном отступлении.

На обратном пути они зашли за мороженым. Павел купил два стаканчика, не спросив, какое Вера хочет. Она посмотрела на белую крышку и обнаружила, что там ванильное. Вера терпеть не могла ванильное мороженое. Сначала хотела промолчать, потом сказала:

— Я другое люблю. Шоколадное.

Павел замер с двумя стаканчиками.

— Надо было спросить. Вернёмся, поменяем?

— Оно уже пробито. Возьми себе оба, если осилишь. А я куплю своё.

— Два ванильных — суровое наказание за самоуверенность.

— Зато недорогое.

Он рассмеялся и пошёл с ней обратно к киоску. Пока Вера выбирала шоколадное, на экран её телефона пришло ещё одно сообщение от Игоря: «Ладно, не отвлекаю. Хорошего перелёта завтра».

Она ответила: «Спасибо. Про документы поговорим после возвращения». Фотографию не приложила.

На маленьком столике у киоска они ели мороженое, пряча ложечки от ветра. Павел вдруг спросил:

— Ты часто так говоришь, если тебе не нравится?

— Как?

— Просто: «Я другое люблю».

Вера задумалась. На работе говорила постоянно. Дома — редко. С близкими людьми всегда возникало желание сначала придумать объяснение, которое никого не заденет.

— Учусь, — ответила она.

— Тогда мне придётся тоже учиться спрашивать.

— Это не так трудно.

— Когда речь о мороженом — нет. В других вопросах, боюсь, сложнее.

Он сказал это спокойно. Ей захотелось расспросить, какие «другие вопросы» он имеет в виду. Она не спросила. В субботу им предстояло уехать в разные города, и сегодня ещё можно было просто стоять у маленького столика с пластиковыми ложечками, пока ветер несёт к берегу первые холодные капли.

По дороге к гостевому дому Вера отправила фотографию Асе. Дочь ответила почти сразу: «Мам, какая ты там настоящая. И платье хорошее. Ты сама купила?»

«Давно было. Просто не носила», — написала Вера.

«Носи чаще».

Вера сохранила снимок в папку «Море». Посмотрела ещё раз и убрала телефон: снимать больше ничего не хотелось.

Глава 10. Короткий дождь

Дождь начался ровно в тот момент, когда Вера перестала ему верить.

Всю пятницу небо то и дело собиралось затянуться, ветер менял направление, на море появлялись тёмные полосы. Но к вечеру солнце пробилось между облаками, на дорожках стало сухо, и Вера решила выйти без зонта. Павел тоже не взял ничего непромокаемого. Он говорил, что знает здесь один крошечный книжный павильон, где продавец собирает старые журналы, открытки и книги о море.

— Мы же уже ездили за открытками, — заметила Вера.

— Поэтому предлагаю сегодня никуда не ехать. Дойдём пешком. Если павильон закрыт, у меня есть запасной вариант.

— Какой?

— Смотреть на закрытый павильон снаружи.

Они дошли до улицы, где пахло прибитой дождём пылью и ещё тёплым асфальтом. За низким ограждением возвышались старые платаны; крупные листья лежали у корней, внизу под ними быстро сновали муравьи. Откуда-то доносилось радио — женщина говорила о рецепте с фасолью, а потом вдруг заиграла песня, которую Вера помнила по школьным дискотекам.

Павел начал подпевать, совершенно не попадая в мелодию.

— Ты поёшь хуже Игоря, — вырвалось у неё.

Он остановился, изобразив обиду.

— Это высокое место в вашем личном рейтинге?

— Очень низкое. Игорь мог испортить песню с первых двух строчек, а ты начал ещё до припева.

— У меня целый куплет ушёл. Дай мне шанс.

Вера засмеялась и пошла быстрее. А через две минуты с неба ударили крупные капли — без предупреждения, без мелкой мороси, сразу настоящим дождём. Вода заколотила по металлическим крышам, по припаркованным машинам, по листьям деревьев. Павел схватил Веру за руку, и они побежали к ближайшему навесу.

Навес оказался над тем самым книжным павильоном. Продавец, мужчина с густой седой бородой, как раз опускал боковую прозрачную шторку. Увидев их, придержал край и впустил внутрь.

— Вон там стойте, только не на коробки, — предупредил он. — Эти под возврат.

Павильон был устроен как маленькая комната с книгами вместо стен. От пола до потолка тянулись полки, кое-где прибитые под углом; между ними висели пачки открыток, календари, пластмассовые закладки с изображением дельфинов. На единственном свободном участке прилавка стоял электрический чайник, рядом сушилась ложка. Пахло бумагой, промокшей тканью и кофе из растворимого пакетика.

Вера стряхнула капли с рукавов. Павел посмотрел на свою рубашку, где вода оставила тёмные пятна.

— По крайней мере, мы нашли павильон, — сказал он.

— Надеюсь, в следующий раз ты предложишь экскурсию в прачечную.

— Если там будут книги — обязательно.

Продавец оглядел их с профессиональным интересом.

— Вы книги ищете или дождь пережидаете?

— И то и другое, — ответил Павел.

— Тогда сначала дождь. Книги никуда не денутся. Только мокрыми руками не листайте.

За стенкой шумела вода. Павел достал платок и вытер руки, после чего потянулся к полке с небольшими томиками в мягких обложках. Вера прошла вдоль стеллажа и нашла старую книгу, когда-то принадлежавшую библиотеке санатория. На внутренней стороне переплёта стоял штамп, а ниже от руки было написано: «Вернуть до 16 августа» — без года.

— У кого-то очень просроченная книга, — сказала она.

Продавец подошёл посмотреть.

— Такие мне привозят мешками после ремонтов. В санаториях освобождают комнаты, библиотеки давно закрыты, а книги стоят. Это ещё не худшая. Иногда страницы сами выпадают.

— А вы их продаёте? — спросила Вера.

— Что годится, продаю. Что нет, отдаю на бумагу. Не могу же я на каждом экземпляре жениться.

Он сказал это так буднично, что Павел рассмеялся.

— Вот человеку бы такую твёрдость, — заметил Павел.

— У меня тоже книжный магазин, в Рязани, — признался Павел.

— Тогда я вам как продавец продавцу скажу, — ответил бородач, — жалость к товару — дело затратное. Жалость к людям ещё дороже, но без неё совсем плохо.

Он вернулся за прилавок. У него зазвонил телефон, и дальнейший разговор проходил с невидимым человеком, которому надо было объяснить, что павильон закрывать рано: дождь мешает вынести картонные коробки.

Вера нашла на нижней полке потрёпанный роман — один из тех, которые читают в дороге и не берут с собой в следующую квартиру. На обороте были напечатаны хвалебные отзывы о пронзительном финале. Вера открыла последнюю страницу.

— Ты что, опять хочешь сначала узнать конец? — спросил Павел.

— Хочу понять, не выдаёт ли реклама за пронзительность обычную жестокость.

— Это как?

— Когда автор год держит читателя в напряжении, а потом в последней главе убивает героя, потому что иначе не знает, чем удивить.

Павел отложил книжку, которую рассматривал.

— Иногда смерть героя бывает нужна сюжету.

— Нужна — бывает. Но когда единственное оправдание в том, что читатель заплачет, мне кажется, это обман.

— А если герой должен уйти? Не умереть, а просто не остаться с тем, кого любит?

Вера задумалась. За шторкой вода лилась уже сплошной стеной. По стеклу медленно ползла большая капля, оставляя за собой чистую дорожку.

— Тогда надо показать, почему он уходит, — сказала она. — И почему другие люди продолжают после этого жить. Плохой конец — не обязательно грустный. Плохой — когда за тебя всё решили и не объяснили, почему.

Павел посмотрел на неё внимательнее.

— А хороший? Когда все остались вместе?

— Нет. Когда веришь, что люди сделали выбор сами. Даже если он тебе не нравится.

— Звучит как очень строгий читательский договор.

— Не надо смеяться. Я серьёзно.

— И я серьёзно. Мне нравится. Только иногда я думаю, что авторов судят за то, на что в жизни у самих смелости не хватает. Люди требуют от романа решительности, а потом годами не решаются поменять работу.

— Это не противоречие. — Я пока не научилась так, как хочу. Может, хоть у кого-нибудь получится, — добавила Вера.

Он кивнул и взял из её рук книжку. Посмотрел на последнюю страницу, но ничего не сказал. Продавец вернулся из подсобки со своим чаем и предложил гостям воды из бутыли у кассы. Павел поблагодарил за предложение, а Вера спросила, можно ли им ещё немного переждать дождь между стеллажами.

— Сколько надо, столько и стойте, — ответил хозяин. — Я тут до шести. Только коробки не замочите.

Павел выбрал тонкую книжку о старых железнодорожных маршрутах юга, Вера — сборник рассказов, в котором все страницы оказались на месте. Продавец завернул покупки в две бумажные обложки и положил сверху полиэтиленовый пакет. Деньги взял наличными, долго отсчитывая сдачу. За окном дождь не ослабевал.

— Подождём ещё? — спросил Павел.

— Здесь хорошо. Можно даже не выходить.

Она встала ближе к нему, чтобы пропустить женщину, вошедшую за календарём. Павел едва заметно коснулся её локтя и, когда покупательница отошла, руку не убрал. Вера смотрела, как по прозрачной шторке стекает вода, и чувствовала себя смешно счастливой. Для счастья нашлось совершенно неподходящее место: между мешками старых книг, при шуме дождя и запахе дешёвого кофе.

Павел наклонился.

— Знаешь, я хотел сегодня сводить тебя на прогулку по хорошему маршруту. Там красивые виды и очень приличный ресторанчик.

— Но мы вместо этого стоим в кладовке.

— Не совсем. В кладовке нет витрины.

Она повернулась, чтобы сказать что-нибудь насмешливое, но он был близко и смотрел так серьёзно, что слова вдруг перестали быть нужны. Павел поцеловал её. Вера положила ладонь ему на плечо и услышала, как у двери кто-то кашлянул. Они отстранились. Продавец с видом человека, который многое повидал между полками, протягивал женщине с календарём сдачу и даже не глядел в их сторону.

— Вспомнил молодость, — негромко сказал он Павлу, когда покупательница ушла. — Только вы у меня стеллаж не уроните. Он и так на честном слове.

Вера рассмеялась и спрятала лицо в воротник куртки. Павел извинился, но продавец махнул рукой и вернулся к телефону.

Дождь кончился почти внезапно. По улице ещё текли ручьи, с крыш падали тяжёлые капли. В небе образовалась чистая светлая полоса, а из-за павильона показалась стая воробьёв, немедленно принявшихся подбирать что-то в лужах.

На улице Вера пошла медленно. Вода собралась в швах тротуара; ей приходилось выбирать, куда поставить ногу. Павел нёс пакет с книжками и время от времени осторожно придерживал её под локоть. Над морем стоял серо-розовый свет. Влажные ветви пахли острее, чем до дождя, в открытых окнах домов звенела посуда.

— Не замёрзла? — спросил он.

— Нет. И книжка целая. Всё прекрасно.

Они шли рядом до гостевого дома, почти не разговаривая. Вере не хотелось торопиться наверх, хотя уже темнело. У калитки она остановилась.

— Мне надо переодеться. Я промокла.

— Конечно.

Он уже собирался пройти к своей лестнице, когда она добавила:

— А потом я хотела бы тебя увидеть.

Павел обернулся. Удивление на его лице было настолько явным, что Вера осеклась, потом всё-таки договорила то, что начала.

— Приходи ко мне, — сказал он. — Я поставлю чайник. Если захочешь, посидим.

Она кивнула и поднялась в комнату. Ирина и Светлана были внизу, спорили с Мариной Сергеевной о том, какой чай лучше пить перед дорогой. Вера умылась, переоделась в сухое платье и долго искала заколку, которую утром положила не на место. Потом остановилась перед зеркалом и посмотрела на себя. На плече платья обнаружилась тёмная точка от дождя. Вера потёрла её пальцем, поняла, что ткань уже высохла, и оставила в покое.

Павел жил на том же этаже, в конце коридора. Вера прошла мимо своей двери два раза: сначала за забытой книгой, потом за телефоном. На третий раз наконец дошла до его комнаты и постучала.

Он открыл почти сразу. На столе стоял чайник, на стуле лежала мокрая рубашка, возле кровати — раскрытая книга. Комната была такой же небольшой, как у Веры, только окно выходило не на море, а на соседний дом с деревянной лестницей.

— Я не знаю, что тебе предложить, кроме чая, — сказал Павел. — Есть печенье из магазина, но, кажется, оно старше нас обоих.

— Чай подойдёт.

Она вошла. Павел закрыл дверь, но не подошёл сразу. Вера сняла лёгкую кофту и положила на спинку свободного стула.

— Павел, я пришла не из-за печенья.

— Я надеялся.

Она приблизилась к нему и обняла за шею. Он обнял её. Чуть отстранившись, спросил, не хочет ли она вернуться к себе. Вера покачала головой.

— Хочу остаться. Если ты тоже хочешь.

— Хочу.

Он поцеловал её снова. За окном, по деревянным ступеням соседнего дома, кто-то поднимался в мокрых ботинках. В коридоре негромко хлопнула дверь. Вера различала каждый звук. Потом Павел коснулся губами её виска, и коридор перестал занимать её мысли.

Глава 11. Почти обещание

Утро началось с того, что Павел не мог найти очки.

Вера проснулась от шороха. За окном кто-то стучал деревянной ставней, в комнате было светло, но солнце ещё не добралось до кровати. Павел стоял возле стола в носках и тихо переворачивал вещи, стараясь не шуметь. В одной руке держал книгу, в другой — футляр.

— Что потерял? — спросила Вера.

Он обернулся; напряжение в его лице сразу отпустило.

— Очки. Я их вчера положил куда-то, куда разумный человек не стал бы класть.

Вера приподнялась на локте. Очки лежали на подоконнике, рядом с мокрой салфеткой, которой вчера протирали стекло.

— Вон они.

— Спасибо. Ты мне, кажется, спасла утро.

— Придётся платить по тарифу выходного дня.

Он принёс очки, сел на край кровати и осторожно коснулся её плеча. Вера посмотрела на него вблизи. Без привычной рубашки, без уличной настороженности, с помятыми волосами и отпечатком подушки на щеке Павел оказался не моложе и не привлекательнее вчерашнего, просто другим. Человеком, с которым теперь существовало общее утро.

— Доброе, — сказал он.

— Доброе.

— Я вчера так и не вскипятил чайник.

— Серьёзное нарушение обещания.

— Могу исправиться.

Она задержала его за руку.

— Чайник подождёт.

Позавтракали позже, когда в доме уже шумели остальные гости. Вера сначала вернулась к себе за вещами. Там всё стояло на прежних местах: чемодан раскрыт, в шкафу оставалось платье, на тумбочке лежала маленькая тетрадь, привезённая из Кудепсты. От того, что несколько часов её не было в комнате, мир не изменился. И всё же Вера остановилась у зеркала, прежде чем собрать волосы, и долго смотрела на собственное отражение.

Уже после завтрака Вера долго искала в сумке обезболивающий пластырь: спина после непривычной кровати ныла, а колено напоминало о вчерашнем беге под дождём. Когда пластырь наконец нашёлся, Вера положила его рядом с зеркалом и вернулась к сумке. Телефон лежал сверху. На экране светилось уведомление от рабочей почты; она перевернула аппарат экраном вниз.

На кухне Марина Сергеевна поставила перед ними тарелки с омлетом. Ирина пришла чуть позже, бросила на Веру короткий взгляд и немедленно занялась вареньем. Светлана сидела у окна с телефоном, читала что-то так сосредоточенно, что дважды забывала пить чай.

— Вылет сегодня у всех разный, — объявила хозяйка. — Если будете уходить после двенадцати, чемоданы поставьте внизу, чтобы уборку не задерживать. И пожалуйста, проверьте розетки. В прошлый раз гость уехал, а зарядное устройство осталось. Мы потом месяц искали, кому оно принадлежит.

— Я проверю, — сказала Вера.

— Я знаю, дорогая, — ответила Марина Сергеевна. — Вы с первого дня всё проверяете. Я сейчас не только вам говорю.

Ирина спрятала лицо за чашкой. Павел посмотрел в свою тарелку, но Вера видела, что он улыбается.

После завтрака подруги начали выносить вещи во двор. У калитки уже стояли Иринина сумка и коробка с мандаринами, которую Марина Сергеевна велела взять в дорогу всем, кто не откажется. Ирина немедленно отсыпала себе половину коробки. Светлана объявила, что это слишком много, и через минуту тоже взяла.

Павел помог спустить тяжёлый чемодан Светланы по узкой лестнице, но на последней ступеньке неловко задел стену колесом. Оставил чёрный след. Марина Сергеевна взглянула, вздохнула и сказала, что осенью всё равно собиралась подкрашивать.

— Я могу помочь, — предложил Павел.

— Конечно, можете. Только когда будете снова у нас, тогда и договоримся. Вы же в отпуск приехали, а не отделочником устроились.

Он покраснел. Вера рассмеялась.

На море они вышли вдвоём. У Веры оставалось два часа до выезда в аэропорт, у Павла — немного больше; он собирался лететь другим рейсом. Ветер утих, над водой висел белый низкий свет. По пустой галечной полосе медленно шла женщина с собакой, на дальней части берега работала уборочная машина. Вера вспомнила, что телефон лежит во внутреннем кармане. Достать его было легко, но она оставила аппарат там.

Они сели на парапет. Доска под Вериными ладонями оказалась прохладной, на ней выступили мелкие капли росы. Павел достал из кармана блокнот, тот самый, в который записывал адреса и время автобусов. Перелистнул несколько страниц, нашёл свободную.

— Я хотел спросить, как нам дальше быть, — сказал он.

Вера повернулась к нему. У неё внутри всё сжалось от предчувствия вопроса, на который нельзя ответить правильно. Она заранее приготовила фразы про расстояние, работу, дочь и ответственность. Но Павел продолжил:

— Мне бы хотелось увидеть тебя снова. Не просто переписываться, а приехать. В Липовую Пристань, если ты не против. Только обещать ближайшие выходные не могу: у нас с Ритой сезонные поставки, а ещё разговор с хозяином помещения. Надо сначала понять график.

— Я тоже хочу увидеться, — сказала Вера.

Слова вышли проще, чем она ожидала. Павел несколько секунд смотрел на неё, потом осторожно коснулся её руки.

— Тогда я посмотрю, что можно устроить к концу октября. Точные даты скажу после возвращения.

— Ты уже был в Пристани?

— Ни разу. Только слышал о ней от покупателя и от тебя. У вас правда на набережной есть старая башенка без часов?

Вера удивилась.

— Есть. Дом Князевых, у старого берега. К нему сейчас близко не подходят, там ограждение. Ты откуда знаешь?

— В одной книге видел фотографию. Потом ты говорила, что старые дома у вас стоят рядом с новыми. Вспомнил.

— Башенка есть. Часов нет. И не жди, что я поведу тебя туда на экскурсию: я не историк, а архив у нас ведёт Вера Борисовна. Она разозлится, если я начну рассказывать легенды как факты.

— Ещё одна Вера?

— Слишком много для одного города, — сказала она. — Но мы справляемся. Она работает в музее. Я — с договорами. Перепутать нас можно только издалека.

Павел рассмеялся. Потом положил блокнот на колено.

— А если я приеду, ты покажешь мне, где живёшь? Не квартиру обязательно. Сам город. Твою кофейню, дорогу к реке, место, куда ты ходишь, когда не хочешь никого видеть.

Вера задумалась. Знакомство у моря странным образом не включало её обычную жизнь. Он видел, как она смеётся, как она рассуждает о книжных концовках, как сердится из-за автобуса. Но не видел рабочих звонков по понедельникам, соседку, которая каждый вечер кормит голубей на подоконнике, и её собственную кухню, где один стул всегда стоит чуть в стороне от стола.

— Покажу, — сказала она. — Только не называй это поездкой в гости к достопримечательностям.

— Не буду. Я вообще могу приезжать без программы, как ты уже заметила.

Она положила ладонь на его блокнот.

— Павел, можно ещё одну вещь?

— Конечно.

— Если не получится приехать, скажи заранее. Не в пятницу вечером, когда я уже отменю другие дела. И не пытайся сделать вид, будто ничего не случилось. Я плохо переношу обещания, о которых потом приходится догадываться.

Павел смотрел на её руку, лежащую на потёртой обложке. Потом закрыл блокнот.

— Я постараюсь. И тебя прошу о том же. Если решишь, что всё это слишком быстро, скажи, а не исчезай из вежливости.

Вера кивнула. Условие было разумным, но от него становилось тревожно. Раньше она предпочла бы не начинать ничего, если заранее известно, что можно передумать. Теперь возможность честно передумать не казалась признаком обречённости.

Ветер тронул её волосы. Павел убрал прядь с лица, не касаясь щеки, и снова отстранился. Вера хотела поцеловать его, но Павел смотрел на неё так серьёзно, что она неожиданно растерялась. Он ничего не сказал. Вера наклонилась сама.

Поцелуй получился коротким. Павел едва успел обнять её, как она уже выпрямилась.

— На обратную дорогу не опоздай, — сказала Вера.

— После автобуса я больше не беру на себя смелость обещать, что успею.

Они ещё немного посидели. Потом Павел сказал:

— У меня, кажется, сложный конец года. Не только поставки. С арендой нужно решать, останется ли магазин на прежнем месте. И есть разные рабочие варианты. Пока ни один не устраивает меня полностью.

Вера повернулась к нему.

— Ты хочешь посоветоваться?

— Не сейчас. Я сам ещё не понял, какие варианты можно считать реальными.

Она хотела уточнить, насколько всё серьёзно. Но Павел не просил срочного решения, а у неё не было оснований требовать от него немедленного решения. Она могла слушать и задавать вопросы, когда он будет готов отвечать.

— Тогда расскажешь, когда разберёшься, — сказала Вера. — Только не после того, как уже всё решишь, ладно?

Павел помедлил.

— Ладно.

Он сказал это чуть тише обычного. Вера не придала значения: расставаться не хотелось обоим, и разговор о делах наверняка давался ему непросто.

У гостевого дома уже собирались подруги. Ирина стояла с чемоданом, на котором болталась новая яркая лента. Светлана проверяла билеты в телефоне. Марина Сергеевна прощалась с пожилыми гостями, которым предстояло ехать на вокзал. Когда Вера подошла, Ирина посмотрела на неё и на Павла, но не сказала ни слова.

Павел попрощался с обеими подругами. Светлана пожала ему руку и попросила беречь книжный магазин, если это возможно. Ирина сообщила, что будет ждать фотографий При-

стани, когда он туда приедет, а Вера немедленно возразила, что никакого фотоотчёта не обещала.

— Вот видите, — сказала Ирина Павлу. — Вы ещё не уехали, а она уже не даёт нам расслабиться.

Марина Сергеевна обняла Веру, от неё пахло мылом и свежим хлебом.

— Приезжайте ещё. Не обязательно компанией. И не обязательно в сезон. В ноябре у нас дожди, зато вечером можно сидеть на террасе под крышей и слушать, как вода идёт с гор.

Вера поблагодарила её. Перед калиткой Павел взял её чемодан и помог поставить в машину, которая должна была отвезти подруг до аэропорта. Потом шагнул назад, оставив Вере место у двери.

— Напишешь, когда прилетишь? — спросил он.

— Напишу. А ты — когда доберёшься до Рязани.

— Договорились.

Она села в машину. Павел остался у белой калитки, поднял руку. Вера помахала в ответ и смотрела, пока поворот не скрыл дом и узкий переулок с плющом.

В машине Ирина несколько минут молчала, чему Вера была почти благодарна. Потом подруга повернулась к ней:

— Знаешь, я ведь ехала сюда не ради того, чтобы ты встретила мужчину.

— Я знаю.

— Просто хотела, чтобы тебе было хорошо хотя бы неделю.

Вера посмотрела в окно. За дорогой мелькала вода, серые камни, чужие балконы с цветами. На коленях лежал телефон, в сумке — маленькая тетрадь из Кудепсты и старый чек с названием книги, у которой не было последней главы.

— Мне было хорошо, — сказала она. — И теперь я хочу понять, что с этим делать.

Светлана, до сих пор молчавшая на переднем сиденье, обернулась:

— Для начала доехать до аэропорта. Это обычно помогает.

Вера положила телефон в сумку и пристегнула ремень. Впереди был обратный перелёт и понедельник с рабочими письмами. Она уже знала, что после посадки включит телефон раньше, чем распакует вещи: Павел обещал написать.

Глава 12. Дорога к реке

В аэропорту на выдаче багажа чемодан Ирины появился первым. Он проехал мимо них три раза, прежде чем хозяйка согласилась, что яркая лента действительно её.

— Я же привязала её, чтобы сразу узнать, — возмутилась Ирина, стаскивая чемодан с ленты.

— Ты узнала, — сказала Светлана. — Просто решила не торопить события.

Вера стояла чуть поодаль, с сумкой через плечо. В терминале пахло дождём, принесённым на куртках, кофе и чем-то резким, уборочным. За стеклом, где заканчивалось освещение перрона, шёл холодный дождь. Утром они ели хурму во дворе гостевого дома. Вечером приходилось снова привыкать к октябрю.

Павел написал, пока они ждали второй чемодан: «Доехал до аэропорта. У меня впереди посадка, у тебя, наверное, выдача багажа. Напиши, когда окажешься в гостинице».

Она перечитала сообщение, убрала телефон, потом достала снова. Хотелось сообщить ему про Ирину, про чемодан, про то, что в Москве дождь совсем не похож на морской. Всё это казалось ненужным. Она всё-таки решила рассказать про чемодан: он бы спросил, сколько раз Ирина его пропустила, и зачем-то стало важно передать ему этот ответ.

«Чемоданы нашлись. Ирина трижды не узнала свой. За окном московский ноябрь, хотя на календаре октябрь», — написала она.

Ответ пришёл почти сразу: «Передай Ирине, что чемодан, вероятно, тоже не хотел уезжать. А в Рязани, говорят, сухо. Проверю лично».

Вера улыбнулась экрану.

— Он? — спросила Ирина, материализовавшись рядом с ней.

— Прогноз погоды.

— Очень хороший прогноз. У тебя от него лицо другое.

— Ира, пожалуйста, хотя бы до выхода из аэропорта не устраивай расследование.

— Я и не устраиваю. Я просто человек наблюдательный.

Светлана, катившая два чемодана, заметила:

— Ты человек, который трижды пропустил собственный чемодан.

На ночь они остановились возле аэропорта. Ещё у моря Вера рассчитывала вернуться домой в субботу, но поздний прилёт оставил им только ночные пересадки. Она коротко написала Игорю, что до Пристани доберётся в воскресенье. Ирина настаивала, что можно сразу искать ночной транспорт домой, но Светлана показала билеты на завтрашний утренний рейс и напомнила: две пересадки после перелёта, с тяжёлыми сумками, в темноте — плохая экономия. Вера лишь спросила, во сколько выезд, и убрала билет в карман сумки.

В номере гостиницы было жарко. Батареи сушили воздух, на прикроватной тумбе стояла лампа с треснувшим пластиковым основанием. Вера повесила серо-голубое платье, в котором ездила с Павлом в Кудепсту, и обнаружила между вещами плоский пакет с морской солью. Марина Сергеевна дала его на прощание: «Не для ванны. Посолите рыбу. Она от этого не станет морской, зато будет вкуснее».

Смешно было везти соль через полстраны. Ещё смешнее — то, что Вера боялась раздавить этот пакет сильнее, чем дорогие очки.

Она позвонила Асе. Дочь ответила не сразу, на фоне слышалось, как кто-то передвигает стулья.

— Мам, я у девочек. Могу десять минут.

— Мне и пяти хватит. Мы прилетели, завтра доедем до дома.

— Ну и как море?

— Мокрое. Солёное. Не каждый день тёплое.

— Удовлетворило ожидания?

— Превысило, — сказала Вера.

Ася помолчала.

— Что у тебя там случилось?

Вера села на край кровати. Можно было ответить привычным «ничего» и отложить разговор до удобного момента. Но дочь спросила без тревоги, просто услышав что-то в голосе.

— Я познакомилась с человеком. Его зовут Павел. Он из Рязани, у него книжный магазин.

— Из Рязани? Это недалеко от тебя, если сравнивать с Сочи.

— А если сравнивать с соседним подъездом, далеко.

Ася рассмеялась.

— Ты мне сейчас хочешь рассказать или заранее объясняешь, почему ничего не получится?

— Просто рассказываю.

— Тогда я рада. Как он тебе?

Вера взглянула на платье, висевшее над открытым чемоданом. Ни одной точной характеристики в голову не пришло. «Внимательный» — слишком общий ответ. «Интересный» — слово, которым обычно пытаются закончить знакомство. «Мне с ним хорошо» — правда, которую в телефон произнести оказалось труднее, чем на берегу.

— С ним не нужно всё время быть разумной, — сказала она наконец. — Хотя он сам вполне разумный человек. Когда не рассчитывает время до автобуса.

— Понятно. Я хочу услышать историю с автобусом, но не сейчас. У меня тут салат остывает. Мам, я сейчас уберу со стола, а ты потом ещё про Павла расскажешь.

— Как прошло собеседование?

— Нормально. Я же писала. Обещали ответить на неделе. Ничего нового пока нет.

Вера удержала вопрос о зарплате и испытательном сроке. Об этом они уже говорили до поездки.

— Ладно. Приятного вечера.

— Тебе тоже. И Павлу привет. Хотя нет, пока рано. Сама реши.

После разговора Вера разложила вещи для утра и выключила верхний свет. Телефон лежал рядом. В нём было несколько фотографий Павла — не парадных. На одной он стоял у прибрежной стены, пытался удержать бумажный пакет от ветра. На другой щурился, читая выцветшее объявление о работе лодочной станции. Она увеличила вторую, заметила крошечное белое пятнышко краски на его рукаве и вдруг вспомнила, как он предлагал повернуть обратно, когда она устала.

Краска на рукаве размывалась при увеличении фотографии. Вера отпустила изображение пальцами, но не закрыла его.

Утром семнадцатого октября они выехали из Москвы. Дорога шла медленно: сначала автобусы по окраинам, потом низкие поля, лесополосы и редкие станции с потемневшими от дождя платформами. За окном появлялись маленькие посёлки, где на остановках стояли люди с пакетами и поднятыми воротниками. Вера выпила из термоса чай, который приготовила Светлана, и почти весь путь проспала, прислонившись виском к стеклу.

Последний участок до Липовой Пристани они проехали на такси. Машина пахла обивкой и новым освежителем с запахом сосны. Водитель спросил, отдыхали ли они на море, и Ирина рассказала про шторм, неудачные открытки и гостевой дом, но про Павла не сказала ни слова. Вера встретилась с ней взглядом в зеркале заднего вида; Ирина поправила очки и продолжила рассказывать о ботинках. До самого въезда в город подруга рассуждала только о том, почему в октябре надо брать удобные ботинки, а не праздничные туфли.

В Пристани за неделю почти ничего не изменилось. На дороге у рынка по-прежнему собиралась вода. У сквера работали двое в оранжевых жилетах, разгружая какие-то металлические стойки. На остановке женщина придерживала дверцу коляски одной рукой, второй пыталась закрыть зонт. Вера заметила всё это и подумала о том, как странно чувствовать возвращение: узнаёшь не красивые места, а места, где всегда нужно притормозить.

Дома лестничная площадка встретила её запахом свежей краски. Кто-то подкрасил нижнюю часть стены возле лифта. На коврике лежала тонкая рекламная газета, скрученная от сырости. Вера отперла дверь, внесла чемодан, повесила куртку и остановилась посреди прихожей.

Квартира встретила её знакомыми звуками: гул холодильника, капля воды в кухонном кране, слабое поскрипывание пола возле книжного шкафа. Она прошла из комнаты в комнату. Цветы были политы — перед отъездом Вера оставила соседке по площадке запасной ключ и попросила заглянуть дважды. На столе лежал листок, оставленный Ольгой Гуровой перед отпуском: «Файлы на месте, срочные вопросы закрыты. Не проверять рабочую почту до понедельника». Подписано было крупно, нарочито официально.

Вера улыбнулась и поставила листок у монитора.

В холодильнике оставались яйца, масло и половина лимона, завернутая в плёнку. Она собралась составить список покупок, открыла заметки в телефоне и внезапно закрыла. За продуктами можно сходить через час. Или завтра. На сегодня хватит того, что она доехала.

Вера поставила на плиту ковшик с водой и достала из чемодана маленькую тетрадь. На первой странице по-прежнему было написано: «Мне было хорошо». Больше записей она не сделала, хотя дважды носила тетрадь с собой к морю.

Она положила её на стол рядом с рабочим блокнотом. Лист в клетку был чуть помят, уголок загнулся. Такую вещь стоило бы убрать в ящик, чтобы не мешала. Вера не убрала.

К вечеру дождь кончился. Она надела пальто и спустилась к реке. Звонить подругам не пришлось: Ирина уже прислала фотографию своего разобранного чемодана с подписью «Все вещи дома, кроме желания работать». Светлана сообщила, что муж встретил её молча, но потом поставил на плиту суп; разговор про незапланированных гостей они не закончили и собирались вернуться к нему завтра.

На новой набережной фонари отражались в поблёскивающем покрытии. «Тёплый хлеб» был закрыт: воскресенье здесь не превращалось в обязательный торговый день ради красивой картинки. За стеклом виднелись аккуратно убранные столики и маленькое объявление о предзаказах. Вера помнила, как весной Катя боялась потерять своё дело, но теперь у пекарни была новая дверь, а у этой двери — обычное расписание. О том, стало ли Катиному делу легче, вывеска ничего не говорила.

Чуть дальше начинался старый берег. На тёмной стене дома Князевых выступали мокрые пятна, башенка чернела на фоне серого неба. Ограждение по-прежнему не давало пройти к самому фасаду. Вера прошла по разрешённой дорожке, остановилась там, где ветер усиливался, и посмотрела на Оку. По тёмной воде медленно тянуло ветку с ещё не опавшими листьями; её крутило у свай, прежде чем течением вынесло на середину.

Завибрировал телефон. Павел прислал сообщение: «Я дома. Рита говорит, что за неделю ничего не погибло, хотя две коробки с книгами пришлось переставить. Ты добралась?»

Вера набрала: «Да. И уже вышла к реке. Здесь холодно. Купила бы тебе шарф, если бы знала, какой ты носишь».

Вера перечитала фразу. За спиной скрипнула калитка на дорожке к берегу. Вера обернулась и нажала «Отправить».

«Тёмно-синий, — ответил он. — Но покупать не надо. Я лучше приеду в своём, и ты скажешь, годится ли».

Вера опустила телефон в карман. Ветер трепал край пальто. Она не знала, когда Павел приедет, и не собиралась считать фразу обязательством. Ей только понравилось, что у этого вечера внезапно появилось место для чужого тёмно-синего шарфа.

Уходя с набережной, она завернула в магазин за молоком и хлебом. Пакет оказался тяжёлым, ручки натянулись на пальцах. Дома предстояло поставить стирку, разобрать почту и приготовить ужин. Возвращение не требовало от неё никакого особенного поступка.

По дороге она вдруг представила, как Павел войдёт в её прихожую и начнёт искать, куда повесить куртку. Следом сама собой возникла другая картинка: он уже уехал, а куртка исчезла. Вера сердито переставила пакет с продуктами из одной руки в другую. Откуда она знает, как всё будет? Он ещё даже не купил билет.

Дома она сняла мокрый шарф и повесила на первый свободный крючок. Другой так и остался пустым.

Глава 13. Три непрочитанных сообщения

В понедельник Вера обнаружила в рабочем чате сорок восемь сообщений. Двадцать девять из них не требовали от неё ничего, девять были поздравлениями с возвращением, а одно содержало фотографию кота начальника склада, который спал в коробке из-под упаковочной ленты. Остальные пришлось читать внимательно.

Она приехала в офис к половине девятого. В переговорной было холодно: за выходные отопление ещё не успело прогреть угловую комнату, и на подоконнике собиралась вода. Ольга Гурова встретила её у стола с двумя стаканами кофе.

— Один твой. Я подумала, с дороги пригодится.

— Спасибо. Как дочь?

— В садик пошла. В пятницу потребовала от меня справку, что я тоже умею рисовать слона. Пришлось показывать. Теперь воспитательница считает, что я могу оформить плакат к утреннику.

— Зря ты показала компетенцию.

— Я тоже так думаю. Как отпуск?

Вера сняла перчатки, положила их на спинку стула, затем забрала со стола кофе.

— Хороший. Много ходили. Купались мало. Ели всё, что не успевали записать в расходы.

— Это на тебя не похоже.

— Мне тоже понравилось.

Ольга рассмеялась и придвинула распечатку с тремя цветными закладками.

— Здесь поставщик прислал дополнительное соглашение. Я подготовила два ответа. Первый — если руководитель согласен переносить срок. Второй — если нет. В пятницу звонил клиент, но я не стала обещать ему то, на что у нас нет полномочий.

Вера просмотрела лист. Формулировки были точными. Возникло привычное желание заменить одну из них на собственную, более гладкую. Она даже потянулась за ручкой, но остановилась и спросила:

— Почему здесь «поставка партиями», а не «частичная поставка»?

— Потому что они готовы согласовать разные даты приёмки и отдельные накладные. «Частичная» звучит как недопоставка, если не уточнить состав. Я хотела показать разницу в письме.

— Логично. Оставляем. Только приложи таблицу с составом партий, чтобы они не придумали её за нас.

Ольга смотрела на Веру с лёгким подозрением.

— И всё?

— А что ещё?

— Ты не забрала документ переписывать домой.

— У меня дома стиральная машина работает. Места для чужих приложений нет.

— Запишу сегодняшний день красным.

К полудню Вера разобрала письма и провела два совещания. Менеджер, перепутавший сумму аванса, исправил ошибку ещё до её возвращения. На общей кухне появился новый термопот. Никто не спрашивал у Веры, какой лучше купить; вода в нём закипала вполне исправно.

Вера даже испытала некоторое разочарование от того, насколько легко жизнь обходилась без её ежедневного присутствия.

Когда она вернулась после обеда, телефон показал три непрочитанных сообщения. Первое было от Аси: «Мне прислали тестовое. Дедлайн в среду вечером. Там просят разобрать чужой макет. Не уверена, сколько времени уйдёт».

Второе пришло от Игоря: «Вер, буду сегодня в центре. Есть пять минут? Надо с теми бумажками разобраться».

Третье — от Павла: фотография плоской картонной коробки, из которой выглядывали книги в светлых обложках. Подпись: «Поставщик наконец отправил то, что мы ждали в августе. Теперь Рита требует, чтобы я признал: книги приехали сами, без моего личного вмешательства».

Вера захотела ответить ему первой. Однако палец привычно остановился над именем дочери.

«Хочешь, посмотрю условия задания? У меня вечером есть время», — набрала она и не отправила.

Ася сообщила новость, а Вера успела набрать советы про макет и собеседование. Увидела, что дочь ещё печатает, и остановилась. Отправила другое: «Если захочешь обсудить, позвони. И удачи с макетом». Ответила дочь только вечером — фотографией рабочего стола и коротким «Спасибо».

Игорю она ответила: «Сегодня на работе до шести. Напиши, какой именно документ ищешь и зачем. Встретиться смогу в другой день, если после этого останутся вопросы».

Павлу отправила: «Рита права, но я на твоей стороне в вопросе торжественной встречи запоздалых книг. Как прошёл первый рабочий день?»

Он прислал голосовое сообщение. За его спиной слышался звон дверного колокольчика и шорох скотча.

— Мне тут сегодня вернули книгу, у которой на корешке написано «роман воспитания». Покупатель сказал: «Я подумал, это пособие для родителей». Смешно, но я теперь всерьёз беспокоюсь, как у нас расставлены полки. И ещё... Мне хотелось сказать тебе доброе утро, но я весь день откладывал. Уже не утро. Так что добрый понедельник, Вера.

Она послушала дважды, один раз у окна, второй — уже сидя за столом. На втором прослушивании услышала в конце звяканье кассового ящика. Ей вдруг захотелось узнать, какой там свет в пять вечера, куда Рита ставит чашку и есть ли у Павла место, где он может спокойно разговаривать по телефону. Морского Павла она знала лучше, чем рязанского.

— Ты что, отчёт слушаешь? — спросила Ольга, проходя мимо.

— Не совсем.

— У меня по голосу было понятно, что отчёт приятный.

Вера убрала телефон в сумку. Ольга остановилась, подумала, но вопросов не задала. Просто взяла из шкафа новую папку и пошла к себе.

Игорь перезвонил в пять сорок пять.

— Вер, я тут недалеко. Давай заеду? Мне пять минут всего.

— Мы договаривались, что сначала ты напишешь про документ.

— Ну написал бы, какая разница? Там тот акт, помнишь, когда оборудование принимали. Скан у тебя был.

Вера вышла из кабинета в коридор. За окнами тянулись крыши под дождём, во дворе задним ходом двигался грузовик. Пришлось дождаться, пока водитель перестанет подавать резкие сигналы.

— Акт приёмки какого оборудования?

— Того большого станка. Ещё когда мы первый цех снимали.

— Игорь, у тебя три станка. Большой — не реквизит документа.

— Слушай, ну не начинай. Ты же поняла, о чём я.

— Я поняла, что тебе нужно найти бумагу. Но не могу узнать из воздуха, какую.

Он шумно выдохнул. В трубке кто-то позвал его по имени, затем хлопнула металлическая дверь.

— Там арендодатель просит подтвердить состав того, что принадлежит мастерской. Мы же тогда акт составляли. Я думал, может, ты оставила копию.

— Может быть. А оригинал у кого?

— В нашей папке, наверное. Я смотрел — не нашёл.

— Тогда начни с бухгалтера и договора покупки. Проверь год и наименование. Потом мне пришлёшь.

— Я думал, ты просто у себя посмотришь.

Вера прижала телефон плечом и застегнула пальто. На другом конце коридора погас свет: датчик движения перестал замечать её издалека.

— Посмотрю, если пойму, что искать. Но сегодня к тебе не поеду.

— Ну ладно. А ты как отдохнула?

Он спросил так внезапно, что она не сразу нашла ответ. Во время их брака Игорь умел интересоваться её делами. Не всякий раз, не тогда, когда она хотела, но умел. Вера вспомнила поездку на Асин выпускной: Игорь тогда приехал первым и занял места у прохода, чтобы ей было удобнее сесть. Потом всё равно поссорились — уже на парковке.

— Хорошо. К морю съездили.

— Видел у Светы фото. Ты там счастливая прямо.

— Мы все хорошо отдохнули.

— Вот и отлично. Может, как-нибудь поужинаем? Я давно хотел поговорить не про бумаги.

Он говорил без привычной деловой спешки. Вера почувствовала, как внутри быстро собирается старое: удобный день, место, вопрос, не пора ли предупредить Асю. Из обычного предложения уже вырастала организация целого вечера.

— Пока не хочу назначать встречу, — сказала она. — Про бумаги напиши отдельно.

— Я не чужой человек, Вер.

— Я и не сказала, что чужой.

Он молчал несколько секунд, потом коротко попрощался. Вера опустила телефон. В коридоре вновь включился свет: мимо неё прошёл курьер с плоской коробкой под мышкой.

Домой она вернулась позднее, чем планировала. На кухне было прохладно, и пришлось открыть горячую воду, прежде чем вымыть чашку. В холодильнике нашлось достаточно продуктов, чтобы не готовить ничего сложного. Вера нарезала помидор, поджарила хлеб, положила сверху сыр и села есть прямо у кухонного окна.

От Павла пришло ещё одно сообщение: «Простая просьба. Если сегодня не устала, позвони минут на десять. Я закончу считать коробки к восьми. Если устала — завтра».

Она ответила: «В восемь. И расскажи, чем кончилось дело с романом воспитания».

До восьми оставалось сорок минут. Вера могла бы просмотреть работу, поискать акт Игоря или набрать Асю с вопросом про тестовое. Вместо этого она достала из сушилки тарелку, переложила на неё остаток ужина и включила радио. Передавали погоду и местные новости, потом заиграла старая песня, которую Вера знала с молодости. Она не убавила громкость.

В восемь телефон зазвонил.

— Ну что, нашёл своего покупателя с романом воспитания? — спросила Вера.

— Он вернулся. Сказал, что книгу всё-таки возьмёт. Сын уже взрослый, так что можно почитать без педагогических целей.

— Хорошее решение.

— А ты что делаешь?

Вера оглядела кухню: хлеб на тарелке, плотно закрытое из-за холода окно, радио, которое ещё не успела выключить.

— Ужинаю. Слушаю музыку. Разговариваю с тобой. Пока вроде справляюсь.

Глава 14. Обычная среда

К среде в Липовой Пристани похолодало настолько, что продавщица в овощном магазине надела вязаные митенки, не снимая их даже возле кассы. Помидоры лежали в пластиковой корзине, побитые и дорогие. От яблок тянуло сладким запахом позднего урожая.

Вера взяла яблоки, лук и пакет картошки. Потом вернула картошку: дома оставалось достаточно. Случайная победа над собственной привычкой покупать запас не вызвала никаких видимых перемен во вселенной.

У выхода она встретила Светлану. Подруга несла два длинных багета, пачку салфеток и рулон плотных пакетов для мусора. По этому набору можно было догадаться, что дома её ждёт не романтический ужин.

— Приезжают? — спросила Вера.

— В пятницу. Мужнина сестра, двое детей и собака, — сказала Светлана. — Собака появилась в программе сегодня утром. Раньше у нас были только дети.

— Ты ведь говорила, что хочешь обсудить всё заранее.

— Обсудили. Я спросила, где они будут спать и кто приготовит ужин. Он сказал: «Ну мы же вместе». Я спросила, с кем именно он имеет в виду «вместе», потому что сам в субботу на смене.

— И что он ответил?

— Сначала обиделся. Потом перенёс смену и записался за мясом. Не знаю, стало ли у нас лучше, но мясо теперь точно его ответственность.

Они вышли на улицу. Тротуар возле овощного магазина был покрыт тонкой грязной плёнкой, в которой отражались скошенные крыши соседних домов. Светлана подняла багеты выше, когда мимо проехала машина.

— Ты как? — спросила она. — Вернулась в рабочее состояние?

— Вполне. Даже слегка удивилась, что не было пожара.

— На работе?

— Везде.

— А Павел?

Вера поправила ремень сумки.

— Разговариваем. Пишем друг другу. Вчера он прислал фотографию книги, которую кто-то попросил найти по описанию «жёлтая, про человека в пальто». И он действительно нашёл три возможных варианта.

— Хороший знак. Ты любишь людей, которые умеют искать.

— Свет, я знаю, что ты хочешь сказать. Мы неделю провели на море. Дома всё другое. У него работа, у меня работа. Я не собираюсь выдумывать себе жизнь из сообщений.

— Я хотела сказать, что ты поставила яблоки на край пакета. Они выкатятся, когда ты повернёшь.

Вера остановилась. Из пакета действительно торчало красное яблоко.

— Спасибо.

— А про Павла я ничего не хотела. У меня и своей романтики пока хватает, — сказала Светлана, кивнув на багеты.

До дома Вера дошла под начинавшимся дождём. На лестнице соседка с шестого этажа пыталась затащить складную сушилку в лифт. Вера взялась за другой край. Сушилка не помещалась, пока они не повернули её боком.

— У меня муж раньше всё это носил, — сказала соседка, вытирая лоб. — Теперь после операции в санатории. А я решила, что сама справлюсь. Почти справилась.

— Мы вдвоём точно справились.

— Спасибо вам. Если попадёте под дождь с простынёй, заходите.

Вера засмеялась. Ключи звякнули о дверь, когда она отпирала квартиру. В прихожей было сухо и спокойно, но за стеной шумела чья-то дрель: соседи заканчивали ремонт поздней осенью, до самой темноты.

В восемь двадцать позвонил Павел. Вера как раз снимала с плиты кастрюлю с картошкой. Телефон завибрировал на подоконнике, она вытерла руки и ответила.

— Я на десять минут раньше. Это нарушение? — спросил он.

— Нет, если не требуешь немедленного отчёта. Я ужин готовлю.

— Тогда я тоже могу приготовить. У меня есть яйца, сыр и что-то, что в магазине называли помидорами.

— Что-то мы за неделю до такой жизни докатились.

— Я боюсь другого: у меня дома закончился весь приличный чай. Пришлось купить тот, который стоял на полке у кассы. Он пахнет черносливом, хотя на пачке написано «бергамот».

— У меня хороший чай. Могу отправить почтой.

— Давай лучше при встрече.

Павел поставил кружку, зазвенев ложкой о блюдце. Вера поставила тарелку на стол.

— Ты уже представляешь, когда это будет?

— Собираюсь с тобой поговорить. Только можно я сначала дойду до кухни? У меня телефон в руке и нож в другой. Нехорошее сочетание.

Она услышала шаги, стук посуды, потом тяжёлый вздох. Павел сообщил, что вчера они с Ритой пересчитали полки с детской литературой и теперь не сходятся остатки по двум позициям. Хуже того, клиентка, которой он обещал привезти книгу к пятнице, нашла её в другой лавке и справедливо попросила вернуть деньги. Книга всё равно прибудет, но оплачивать её придётся уже из оборотных средств.

— Ты ведь мог не рассказывать мне о возврате, — сказала Вера.

— Тогда чем бы мы занимались? Сообщали температуру воздуха? Сегодня у нас плюс семь. Неинтересный ответ.

— Я бы спросила, как ты спал.

— Плохо. Сосед сверху переставлял мебель в половине первого. Потом я пытался вспомнить, на какое число записан к зубному, и вместо сна вспомнил все неприятные разговоры за месяц.

— К зубному ты записан?

— Да. Я не совсем безнадёжен.

Вера села за стол. В его кухне звякала крышка сковороды, у неё капала вода с крана. Павел переспросил, куда она убрала форму для запекания, а затем сам засмеялся: забыл, что находится за двести километров. Вера показала камерой кухонный шкаф.

Потом он сказал:

— В эти выходные не смогу уехать. У нас инвентаризация, Рита просила меня быть на месте: часть остатков с лета не сходится. А вот в следующие, если тебе удобно, мог бы приехать.

— В следующие — это тридцатого?

— Да. В субботу. До вас придётся добираться с пересадкой, ещё сверю расписание. Вероятно, после обеда буду в городе. В воскресенье обратно.

Вера открыла календарь. Тридцатое было свободно, если не считать замены фильтра на кухне и плановой закупки средств для стирки. Ничего не случится, если фильтр поменять в другой день.

— У меня в субботу нет рабочих обязательств. Приезжай.

— Ты уверена? Я не хочу появиться с чемоданом и потом всю субботу смотреть, как тебе неудобно.

— Почему с чемоданом? На одну ночь хватит сумки.

— Я номер всё-таки возьму. Мне нужна гарантия, что не придётся в час ночи искать гостиницу. А там посмотрим.

Вера ощутила укол обиды. И сама разозлилась на себя: ещё вчера она говорила Павлу о разумной дистанции, а сегодня от одного слова «номер» ей стало холодно.

— Ты думаешь, мы не умеем? — спросила она.

— Думаю, умеем. Но не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной пустить меня домой только потому, что я приехал из другого города.

— Я бы сказала, если бы не хотела.

— Вот и хорошо. А пока можно я сам решу вопрос с ночёвкой? Потом, если позовёшь, решим по-другому.

Вера намотала на палец уголок кухонного полотенца. Тон разговора не был неприятным. Просто в нём не оказалось готового ответа на всё, что она сама успела вообразить.

— Можно, — сказала она. — Но меня задело, что ты уже всё решил, не спросив.

Он помолчал.

— Я думал, так будет удобнее. Но, похоже, надо было сначала тебя спросить.

— Я иногда тоже так делаю.

— Я заметил ещё в Кудепсте, — сказал Павел. — Но не каждый раз буду находиться в правильном месте, чтобы это заметить.

Она засмеялась, потом всё-таки спросила, скучает ли он. Павел помолчал и ответил не сразу:

— Да, Вера. Скучаю. Даже на работе ловлю себя на том, что выбираю, что тебе вечером рассказать.

Он кашлянул, словно не узнал собственного голоса. Вера смотрела в тёмное кухонное окно; теперь можно было не делать вид, будто её интересовало только расписание автобусов.

Позже разговор прервался: в его магазине сработала охранная сигнализация. Рита позвонила узнать, не остался ли открытым задний выход. Павел извинился, попросил пять минут и отключился.

Вера поела остывшую картошку. Через пять минут телефон не зазвонил. Через десять — тоже. Она вымыла тарелку, проверила окно в спальне, ответила Ольге по рабочему вопросу. Спустя полчаса пришло сообщение: «Прости, задержался. Рита проверила дверь — всё закрыто. Ночью датчик иногда реагирует на плохо закреплённую створку. Завтра позвоню мастеру. Тебе удобно продолжить?»

«Удобно», — ответила она.

Он перезвонил. Вера уже собиралась сказать, что она устала и лучше на этом закончить. Вместо этого спросила:

— Ты сейчас один в магазине?

— Да. Всё-таки дошёл проверить сам. Сижу на перевёрнутой коробке. Свет включил только у кассы. Очень красивое место для разговора. Если бы ещё не пахло картоном.

— Покажи.

Павел включил видео. Камера несколько секунд смотрела в потолок, потом в стеллаж с книгами, затем наконец остановилась на его лице. За спиной стояли неровные ряды корешков, у окна висела бумажная гирлянда из маленьких звёзд. На кассе лежала пачка квитанций.

— Вот мой второй дом, — сказал он. — В большинстве дней я бы предпочёл, чтобы он был просто работой.

Вера повернула телефон к своему кухонному окну. За стеклом было темно, на подоконнике стояла банка с отростком герани. На улице кто-то прижимал к груди большой букет хризантем и быстро шёл к остановке.

— А вот мой первый дом, — сказала она. — Он сейчас выглядит как место, где забыли вымыть плиту. Потому что забыли.

— Хорошее место.

— Ты почти ничего не видел.

— Ну, цветок видел. И теперь знаю, где ты ужинаешь.

Они ещё немного поговорили о билетах, о том, стоит ли Павлу брать тёплую куртку, о том, что Светлана окончательно возложила на мужа ответственность за гостевые кровати. Когда звонок закончился, Вера долго стояла с телефоном в руке.

Вера вспомнила кассовые квитанции, бумажную гирлянду над полкой и то, как Павел замолчал на секунду, прислушиваясь к Рите за кадром. Хотелось однажды прийти туда не по видео: увидеть, куда он ставит чужие возвраты и почему у него всегда заняты обе руки.

Она открыла календарь и поставила на тридцатое октября маленькую точку. Без подписи. После этого вернулась на кухню, где так и стояла остывшая кастрюля: Павел всё-таки позвонил раньше, чем она успела убрать после ужина.

Глава 15. Адрес в Рязани

В пятницу Вера получила от Павла адрес книжного магазина. Ничего торжественного в этом не было: она спросила, как «На полях» выглядит с улицы, он прислал фотографию узкой витрины и геометку.

На снимке стояла скамейка, у стены — доска с написанными мелом новинками. Верхнюю строку дождь уже размыл, зато слово «сегодня» под ней сохранилось целиком. Над дверью висела тёмная вывеска с небольшими буквами. Никаких золотых переплётов, лестниц на колёсиках и высоких окон до потолка. Обычный городской первый этаж.

«Только не суди по фотографии, — написал Павел. — Это Рита снимала с утра, пока я ходил за кассовой лентой. До ремонта вывески руки не дошли».

Вера открыла карту. Вокруг магазина были жилые дома, аптека, две остановки, хозяйственный магазин, где, судя по фотографиям, торговали всем от батареек до сковородок. Она увеличила район, затем уменьшила, посмотрела, каким маршрутом туда едут из её города. С пересадкой, конечно. Не быстро, но и не на другой конец страны.

На экране светился адрес в Рязани — улица, дом, номер лавки. Вера знала, что по утрам там трудно найти место для новых коробок, а Рита не терпит опозданий поставщиков. Странно было держать в руках адрес, где до сих пор не доводилось бывать, и узнавать по нему чужой рабочий день.

Утром она долго выбирала, что ответить на фотографию. Потом написала: «Люблю, когда у магазина есть скамейка. Там можно решить, заходить ли».

Павел ответил: «Никто на ней не решает. Все садятся, когда устали таскать сумки с рынка. Заходят уже потом».

Вера усмехнулась. Пожалуй, так было даже лучше.

В обед она зашла в городскую библиотеку. Взяла с собой возвращаемую книгу, которую держала дома ещё с сентября: сборник очерков об истории речных перевозок. Заставлять книгу доживать до следующего месяца на письменном столе было несправедливо и по отношению к библиотеке, и по отношению к читателям.

В небольшом зале у окон было людно. Девочка лет десяти сдавала четыре книги, сложенные в стопку выше её подбородка. За ней стоял мужчина в рабочей куртке с подборкой журналов по столярному делу. У справочного столика двое подростков пытались распечатать школьный проект; принтер зажёвывал бумагу и выпускал лист с белой полосой посередине.

— Он с прошлой среды так, — сказала Галина, библиотекарь, когда подошла очередь Веры. — Мы вызывали мастера. Мастер сказал, нужна деталь. Деталь едет к нам с той скоростью, с какой, вероятно, древние пароходы шли вверх по Оке.

— Подросткам что делать?

— Дала им адрес копировального салона. Они хотят, чтобы было бесплатно, я их понимаю. Но дать им здесь плохую распечатку бесплатно — сомнительная услуга.

Галина приняла книгу, проверила наклейку и оглядела стопку на стойке.

— Вы за чем-нибудь определённым? У нас новые романы пришли. Пять штук. Три уже разобрали. Угадайте, какие.

— Те, где никто не умирает?

— Напротив. Там у всех родственники пропадают один за другим. Читатели, оказывается, любят решительные меры, когда к собственным родственникам их применять нельзя.

Вера рассмеялась. Галина наклонилась и достала два томика из-под стойки. Один был ярко-розовым, другой — в скромной синей обложке.

— Этот с любовной историей. Не пугайтесь обложки: текст хороший. А этот — про женщину, которая возвращается в родной город и открывает лавку. Сначала, конечно, думает, что всё будет просто. Потом обнаруживает бухгалтерию.

— Второй мне сейчас нельзя. Я и так читаю бухгалтерские документы всю неделю.

— Тогда первый. И не делайте такое лицо. Вы взрослая женщина, можете читать, что хотите.

— Я никакого лица не делаю.

— Я библиотекарь. По лицам читателей можно защищать диссертацию, если бы за это платили.

Вера взяла книгу с синей полосой на корешке, прочла несколько строк и вернула. Язык оказался приятным, но героиня уже на второй странице знала, как выглядит мужчина, предназначенный ей судьбой. Вера не верила в такие гарантии, и принимать их от незнакомой писательницы не собиралась.

— Не моё, — сказала она.

— И правильно. У нас есть другие. Выбирайте, не торопясь.

Она прошла между стеллажами. В задней части зала стояли старые словари, издания пьес и книги, которые десятилетиями занимали место без единого требования быть современными. Вера вытащила небольшой том рассказов о провинциальных городах. Первую страницу прочла стоя. На второй уже захотелось сесть. Автор писал о женщине, которая каждый год меняла полотенца на кухне, хотя старые были ещё хорошими, и однажды отдала новую стопку подруге. Дальше стало понятно, что речь вовсе не о полотенцах.

Она взяла этот сборник.

У выхода Галина спросила:

— Вы давно к нам не заходили. Работа?

— Была в отпуске. Потом работа. Теперь решила вернуться к нормальным привычкам.

— Читать-то читайте. Только в библиотеке книгу оставьте на столе, у меня заведено всё потом убирать, — сказала Галина.

На улице Вера открыла зонт. По Советской шли люди с пакетами, кто-то прижимал к груди завернутый в плёнку букет. Из открытой двери «Причала» пахнуло кофе. За стойкой Лена что-то выясняла с мужчиной в серой куртке; тот держал перед собой пустую коробку из-под молока. Вера не стала заходить: дома ждали сырой салат и вечерний звонок Аси.

Дочь сама позвонила в семь. Голос у неё был хриплый — всю неделю она почти не вылезала из офиса.

— Я отправила тестовое. Они сказали, понравилось, позовут на последний разговор на следующей неделе. Но там есть вопрос по деньгам.

— Какой?

— Ставка выше нынешней, но в первые два месяца компенсации жилья нет. А квартиру надо снять сразу. Я посчитала: сначала почти всё повышение съест аренда. Если будут задерживать выплаты, будет неприятно.

Вера мгновенно представила таблицу с тремя столбцами. Денежный поток, непредвиденные расходы, резерв. Её руки даже потянулись к ноутбуку.

— Хочешь, я помогу с расчётом? — спросила она.

— Я уже сделала, — ответила Ася. — Слушай, ты иногда можешь просто спросить, хочу ли я туда?

— Хочешь?

— Не знаю. Работа интереснее. Но в Калуге у меня люди, жильё, привычные места. А там всё надо будет строить заново.

Вера на минуту забыла про проценты и аренду. В словах дочери она услышала тревогу, слишком знакомую для того, чтобы немедленно давать совет.

— Когда я была в твоём возрасте, — начала она.

— Мам, — осторожно сказала Ася.

— Нет, я не про то, что тебе надо поступить как я. Наоборот. Я в двадцать три тоже не хотела терять то, что уже устроила. Просто тогда мне никто не объяснил, что можно переехать, а потом передумать.

— Ты сейчас объясняешь?

— Пытаюсь. Наверное, не очень хорошо.

— Нормально, — сказала дочь. — Спасибо.

После разговора Вера раскрыла полученную книгу. Прочла первый рассказ, второй. Когда дошла до третьего, на экране телефона высветилось сообщение Павла: «Сверил путь до вас. На тридцатое всё складывается, если автобус не отменят. Завтра куплю билет и пришлю время прибытия. Не хочу опять оказаться тем, кто пообещал и не доехал до остановки».

Она усмехнулась и ответила: «В Кудепсте мы всё-таки доехали».

«Но только со второго раза. Я извлёк урок: на новом маршруте ищу расписание заранее».

Вера положила книгу обложкой вниз. Адрес рязанской лавки был в её телефоне, дата Павловой поездки — на следующей неделе. Она открыла поиск билетов до Рязани, посмотрела два варианта, один неудобнее другого. Рядом на столе лежала распечатка со сроками очередного рабочего проекта. На первый взгляд свободного времени было мало, но можно было найти выходные.

Вера закрыла страницу с расписанием. До Рязани можно было добраться. Этого знания пока хватало.

Она вернулась к книге, раскрыла её на том месте, где остановилась, и обнаружила, что сегодня ей нечем отметить страницу. В сумке по-прежнему лежал смятый чек, на обороте которого Павел когда-то записал ей название сборника с недостающим концом. Бумага местами выцвела, зато фамилию автора можно было разобрать.

Вера вложила чек между страницами. Тонкая полоска немедленно выскользнула на пол. Пришлось поднять её и положить поперёк, чтобы кончик выступал наружу. Она снова взялась за чтение, но через страницу проверила, не выпала ли закладка. Чек держался.

Глава 16. Неотложное от Игоря

В субботу утром Игорь прислал фотографию старой папки. На обложке было написано: «Оборудование. 2018–2020», ниже — его почерком: «НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ». Подпись к снимку гласила: «Нашёл. Нужного акта нет».

Вера разглядела на фотографии край жёлтого конверта, к которому была прикреплена скрепка. Такой конверт она узнала сразу: в нём лежали документы на первый форматно-раскроечный станок. Они купили его, когда Игорь расширял мастерскую, и полгода после этого экономили на всём, кроме древесины. Станок теперь давно окупился, но Вера помнила, как они сидели на полу кухни и считали, сколько заказов нужно сделать, чтобы дотянуть до декабря.

Она ответила: «Сфотографируй содержание конверта. И пришли запрос арендодателя, где написано, что именно ему требуется».

Через десять минут пришло четыре снимка. На первых двух были накладные, на третьем — договор покупки, на четвёртом — часть акта без последней страницы. Игорь не придумал проблему: у него действительно не хватало подписанного приложения с заводским номером.

Вера позвонила.

— Игорь, почему ты не сказал сразу, что нужен именно лист с заводским номером?

— Я думал, это и есть акт. Там наверху написано «акт».

— Наверху написано «приложение к акту». И без второй части оно мало что подтверждает.

— Вот. Поэтому и звоню тебе. У меня в понедельник встреча с владельцем помещения. Он хочет приложить перечень моего оборудования к новому договору аренды, чтобы потом никто не спорил, что чьё.

— Это разумно. Но перечень оборудования и акт покупки — разные документы. Сделай список со всеми номерами, а подтверждение собственности отдельно приложишь, если попросят.

— Он просит сейчас. Может, ты зайдёшь? Всё покажу. Мне нужен твой взгляд, честное слово.

Вера взглянула на часы. До встречи с Ириной оставалось три часа. Пятнадцать минут на разговор, ещё столько же на дорогу; соблазн представить всё решённым был велик. Игорь умел произносить «нужен твой взгляд» так, что за ним обычно следовали два часа чужой работы.

— Зайду на полчаса, — сказала она. — Посмотрим, чего не хватает и где взять копию. Документы собирать дальше будешь ты.

— Конечно. Я только покажу.

— И не открывай пока новые папки. Я иду не на уборку твоего архива.

— Твоя любимая фраза.

— Она у меня появилась не сама собой.

Он засмеялся. Смех был знакомый, чуть хрипловатый, с коротким кашлем в конце. Вере стало неожиданно грустно: некоторые голоса остаются частью твоей жизни даже тогда, когда отношения давно закончены.

Мастерская находилась в бывшем хозяйственном помещении за рынком. Игорь снял его несколько лет назад, а после развода окончательно перевёл туда оборудование из старого цеха. Во дворе стояли палеты с досками под плёнкой, у стены — два больших контейнера для обрезков. Из открытой двери тянуло древесной пылью и нагретым металлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.